

С.А.Зелинский

**ЗАКОУЛКИ
ДУШИ**

2015

С. А. Зелинский
Закоулки души. Роман

© Зелинский С. А., 2015

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Оглавление

роман	5
Закоулки души	5
Пролог	5
Часть 1. Откровение незнакомца.....	5
Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2.....	8
Глава 3.....	11
Глава 4.....	12
Глава 5.....	14
Глава 6.....	14
Глава 7.....	16
Глава 8.....	17
Часть 2. Приключения иностранца	18
Глава 1	18
Глава 2.....	21
Глава 3.....	22
Глава 4.....	24
Глава 5.....	26
Глава 6.....	27
Глава 7.....	29
Часть 3. Сны без яви.....	31
Пролог	31
Глава 1. Сон.....	31
Глава 2.....	32
Глава 3.....	32
Глава 4.....	33
Глава 5.....	34
Глава 6.....	35
Глава 7.....	36
Глава 8.....	36
Глава 9.....	37
Глава 10.....	37
Глава 11.....	39
Глава 12.....	40
Глава 13.....	40
Глава 14.....	41
Глава 15.....	41
Глава 16.....	42
Часть 4. На пути к осознанию.....	44
Глава 1	44
Глава 2.....	45
Глава 3.....	46
Глава 4.....	48
Глава 5.....	49
Глава 6.....	51
Глава 7.....	51
Глава 8.....	52
Глава 9.....	53
Глава 10.....	55
Глава 11.....	56

Глава12.....	57
--------------	----

роман
Закоулки души

Пролог

Мне сорок лет, меня зовут...

Впрочем, это совсем неважно в сравнении с главным: я запутался в жизни. Вернее, не то чтобы в ней самой. Как жить, наверное, знаю. По крайней мере, до сих пор ведь живу, раз пишу эти строки. Запутался я...

Я запутался в отношениях, которые выстраиваю с жизнью. Ибо на каком-то этапе собственного бытия понял, что может быть и не живу вовсе, а так, проживаю...

И тогда уже подумал, что нужно сесть – и во всем разобраться. Что я сейчас и делаю. Заранее простите, если невольно впутываю в это разбирательство вас. Но с другой стороны, одна голова хорошо, а две лучше. А еще лучше, когда таких голов много. Впрочем, я начал заговариваться. Пора приступать.

Часть 1. Откровение незнакомца

Пролог

Вспомнить бы сейчас все...

Я думаю, тогда бы не выдержал мозг таких воспоминаний. А может и наоборот – все бы предстало в новом свете. Или, что наверняка, на прошлое пришлось бы взглянуть по-новому.

.....

Тогда мне было еще не так много лет. Фактически я мог назвать себя несмышленным юношей с жадным желанием постижения всего нового (абсолютно всего, что предстояло встретить на пути), и представлял собой весьма забавную картину, если бы кто захотел во мне разобраться. Об этом мечтают многие юноши астенического типа и поэтической натуры – чтобы их оценили по заслугам. Им кажется, что вот-вот и все поймут, что они не остолопы и неудачники, а самые что ни на есть гениальные творения, которые когда-то жили на земле.

Это не так. Природа не терпит суеты и сумбурных иллюзий. Все, что вы из себя представляете на данный момент – такой вы и есть. Никаких иных вариантов быть не может.

Но с другой стороны, это и хорошо. Быть может именно подобное позволяет крутиться, достигая (или отчаиваясь - не достигая) чего-то, что несравненно является важным, ценным, необходимым.

Несмотря на то, что проходило время, было совершенно точно, что я совсем не менялся. Ну, или если менялся, то касалось это лишь чего-то внешнего. Тогда как душа моя оставалась такой же по детски открытой и доброй. А потому, несмотря на разнообразные любовные вариации постижения счастья, как такового счастья я не достиг. Ну, или что справедливой, на каком-то этапе моей жизни понятие «счастье» - вдруг - толи исчезло, то ли удивительным образом завалировалось. Хотя, с другой стороны, если бы было все так просто...

Если бы все было так просто, я бы не написал нижеследующего, где попытался беспристрастно подойти ко всему, когда-то происходящему со мной, дабы разобраться в истине. И хоть мы все в той или иной мере пытаемся разобраться в этой самой истине, ведь и по-другому никак нельзя.

Да иначе и не было бы жизни. Не было бы тех стремлений, которые фактически продиктованы одним: поиском истины. А вот нашел ли я эту истину, это на самом деле большая загадка.

Но искал. Я честно искал. Судите сами.

Глава 1

Создавалось впечатление, что я знал все и обо всем.

Конечно же, это было не так.

И понимая это, я вполне отдавал себе отчет в некой иллюзии обмана. Если хотите, в условности происходящего.

Человек действительно не может знать все. Он может что-то понимать, более-менее уверенно разбираться в каких-то вопросах, но не более.

Кроме того, существуют определенные области, так сказать, специализации человека.

Специализация затрагивает вопросы, в разрешении которых человек относительно комфортно себя чувствует. И при этом, думая даже так, я допускал, что следует обязательно вводить определенные погрешности даже в цепочку собственных размышлений. Да и любые размышления следует фильтровать на предмет заблуждений (порой искренних). Такие заблуждения можно встретить у каждого. Человек не может знать все. В каких-то вопросах рано или поздно начнет преобладать его субъективизм. Так сказать свой, почти всегда отличный от другого, взгляд на окружающий мир. Да и сам мир при этом начнет периодически выбрасывать «коленца», так что

в итоге, кто-то забрасывает излишне мучительные размышления, желая остаться собой, кто-то точно также хочет быть собой, но при этом ищет себя как раз в размышлениях.

Но что есть по сути размышления? И еще... как же иной раз бывают такие размышления мучительны. Нельзя в них полностью погружаться. Погружение уводит от реальности мира. Мир, конечно, может быть и нереальным. Мир вечен, и может себе позволить быть любым в нашем представлении. И это действительно только наше представление, ибо каков он на самом деле, мир, никогда и никому не удастся узнать. Все последующие мыслители всегда отталкиваются от мыслителей, которые жили до них, и которые в какой-то мере сформировали определенные стереотипы понимания того или иного вопроса. Поэтому все, что возможно сейчас, это или продолжать начатое, или отвергать; но тогда уже такое «отвержение» через время начнет походить на поиск ошибок в существующих размышлениях; размышлениях при этом исключительно известных. Множество людей периодически что-то пишет, но становятся известными сочинения ничтожно малого количества людей. И хотя это не значит, что их путь творчества напрасен, но по сути - это в какой-то мере так. Ведь пишут, чтобы читали. И чем больше читают, тем большая уверенность, что написанное вами переживет вас. Но при этом, по всей видимости, должно быть и что-то еще такое, что не всегда постигается пониманию. И даже можно было бы предположить, что этого и вовсе не существует. Но это не так. Существует.

.....

Иногда мне казалось, что я бы мог спрогнозировать всю свою последующую жизнь. Но по сути это была большая иллюзия. Ибо на самом деле я не мог даже предсказать что будет в следующую минуту. Зачем тогда говорить о вечности? Но я должен был об этом говорить. Мне так было спокойнее. Мой мозг, мой, как я считал, совершенный мозг, должен все время испытывать определенную нагрузку, потому как иначе попросту невозможно. Невозможно, потому что я умру. Невозможно, потому что если и буду жить, то жизнь потеряет смысл оправданного существования. И как ни странно это звучит, но это было так. Более того, если я делал себе поблажку, сознательно (а это получалось только сознательно) переключая мозг в попытке акцентировать внимание на совсем посторонних вещах, это мне не удавалось. Не удавалось, потому что было попросту невозможно. Не удавалось, потому что для осуществления подобного требовалось не только время, но и нечто, чего точно не было у меня в тот момент времени. И так это было. Было не потому, что я этого хотел. Было, потому что вмешивались в этот момент совсем потусторонние силы. А я пытался идти до конца. Мне так было спокойнее. Да и справедливее, наверное.

.....

Понимая более чем условную иллюзию происходящего, я почти никогда не пытался ничего изменить, пустив ход времени двигаться по иному, на тот момент видимо неведомому мне пути. Так это было, и так этого не было. Когда-то я договорился с самим собой, что мне совсем нельзя запутываться. Любая путаница почти неминуемо грозила началом душевных мук и волнений. А это, как я понимал, пусть в неизбежное начало патологии сознания, и в конце концов безумия. Боялся ли я безумия? Думаю что нет. Точнее, на каком-то этапе жизни я почти убедил себя, что подобного со мной не случится. Быть может даже такого не могло произойти по принципу; по тому, что такого не могло произойти никогда. В такой парадоксальной ситуации я и жил. Сам себя, по сути, обманывая. Или как минимум – вводя в заблуждение. И не пытался повернуть обратно. Мне это как будто нравилось. Нравилось бродить по закоулкам души. Копаться в чем-то, в чем кто-то другой никогда не найдет выхода. А я находил. Правда выход этот был загадочен, и, по сути, завуалирован множеством наслаивавшихся друг на друга событий. Так что через время уже невозможно было разобраться что к чему. И тогда хотелось только одного: бежать сломя голову.

Но подобный бег был сам по себе напрасен. Бесполезен, то есть. Что означало – мне необходимо было продолжать страдать. Хотя так ли я страдал. Размышления о жизни с чьей-то легкой руки окрестили страданиями. Русские писатели-классики позапрошлого века почти все страдали. В то время в обществе была даже сформирована некая мода на страдания. Точнее, такая мода (если уместно это слово в данном контексте) образовалась как бы сама собой. Ошибочно считать, что методично и планомерно она была кем-то навязана. Посыл, подкинутый парой мыслителей, неожиданно был подхвачен другими. И в итоге, в интеллектуальной части общества (помимо интеллектуалов в этот круг входили еще полубезумные аристократы, дворяне, и представители другой – вырождающейся – элиты) стало даже как бы модным страдать. В меньшей степени было принято описывать свои страдания; хотя бы потому, что такие описания не у всех получались. Но вот вопрос? Так ли надо страдать? Не есть ли страдания уже в какой-то мере патология сознания? Невозможность адекватной реакции на события окружающего мира есть патология. Так считал я тогда, так считаю и сейчас. А потому даже всевозможные описания страданий есть ничто иное как закодированная информация о чем-то важном, что таким образом (с помощью описания страданий) я на самом деле пытался скрыть. И это было так. И это было правдой. И чем больше я описывал это, тем чаще повторялся. Потому что все может измениться, но в своей концептуальной форме страдания изменяться не могли. Они были типичны для большинства людей; и максимум что было возможно – в каждом конкретном случае лишь изменяли форму описания страданий. А так все было едино. Да это и нормально. Ну, то есть, в порядке вещей.

Глава 2

Быть может ему и никогда не было так тяжело. Хотя что такое размышления о пройденном или настоящем? По сути ничего. Что-то проходящее. Что быть может даже не возвратится. Что пройдет – и не возвратится.

Он задумался. Так бывало уже не раз. Жизнь внезапно накладывала какие-то новые отпечатки на его судьбу. Первое время ему хотелось во что бы то ни стало повернуть назад. Но проходило время, и он понимал, что вроде как ничего и не надо. Что пусть проходит. Пусть будет так, а не иначе. Пусть уходит все и не возвращается.

Жизнь действительно способна была больно хлестать по щекам судьбы. Он не раз задумывался почему так происходит; пока не понимал, что во всем этом видимо есть какой-то тайный смысл, который ему попросту не удастся раскрыть; а потому не оставлял своих попыток добраться до отгадки того сложного состояния, в которое, чувствовал, все больше и больше погружается, сам быть может того и не желая.

Какие-то странные появились сны. Есть принять во внимание, что сны это не иначе как проекция бессознательного (как помнил он, объясняли в институте), то означало ли нынешнее содержание его снов, что все, о чем ему снилось, в какой-то мере уже было?

--Абсурд,-- восклицал он, не принимая неизвестную теорему. Ему хотелось жить. Просто жить. Хотя он и понимал, что так просто уже не получится. Что обязательно найдется что-то, что выступит той опасной загвоздкой, которая не пропустит его мысли дальше. И тогда ему придется возвращаться. Уже в который раз возвращаться обратно, начиная все сначала. Там, в бескрайних просторах его души, томилось счастье. Хотя вполне возможно, что он вновь в который уж раз заблуждался. Заблуждался искренне, полагая, что ничего на самом деле не бывает так просто, как раз просто от того, что следовало найти, нащупать иной путь, путь, который должен был привести его к спасению. Спасению души.

Но так ли необходимо было ему такое спасение? Действительно ли он мечтал о том? Или все подобные мечты скорей всего походили на какое-то полубезумие, полуошибку. Когда он, тщетно пытаясь отыскать истину, блуждал в закоулках души, в какой-то момент начиная понимать, что может быть ему уже и не надо искать того, что не суждено было найти никогда. Но так ли это было на самом деле? Действительно ли он стремился найти эту истину, это понимание; когда уже бы не осталось ничего, что могло бы привести его к иному пониманию действительности; той не столько страшной, сколько скорей всего загадочной действительности, в которой он жил, но на самом деле поиском которой занимался всю жизнь. Пусть пока и не долгую жизнь. Жизнь, которая была, конечно же, его (да и он никому бы ее не отдал); но тогда уже именно в этой жизни он хотел разобраться. Разобраться даже главным образом в необходимости ее. Но бродя по ее закоулкам, так и не находил ответа.

--А быть может ответа нет?— не раз приходило ему, но что он мог в такие минуты сказать самому себе, когда даже при ясном сознании не видел истинности собственного пути наверх. Пути к избавлению от накатывавшего порой состояния духа. Когда начинал вдруг так явственно все переживать, что становилось по-настоящему тяжело на сердце; а само сердце, казалось, что вот-вот разорвется на много маленьких осколков. И тогда останется только одно, сожалеть о прошлом. О том уходящем вдаль прошлом, которое никогда не возвратится.

Но так ли необходимо чтобы оно возвращалось?— внезапно подумал он. Да, раньше ему хотелось, даже может быть и непременно хотелось вернуть прошлое. Ему казалось, что он там что-то не успел. Не успел договорить, не успел доделать. Не успел что-то прожить. Не успел. Но вот на самом деле... На самом деле (и он понял это только сейчас) ему не особенно-то и хотелось возвращаться. Если раньше он быть может отдал бы все или многое за такое возвращение, сейчас, когда прошли годы с момента последних мыслей о былом, ему вдруг не хотелось возвращаться. Он поймал себя на этом. Он понял, что вот к чему на самом деле он так долго стремился. Что искал. Что, по сути, не находил, а вместо приближения (как бывало, казалось ему) наоборот отдалял. И это было действительно так. И это было той маленькой истиной и большой победой (а может наоборот, маленькой победой и большой истиной), которая пришла к нему внезапно, но в которой он вдруг увидел самое настоящее, что могло быть. И прежде всего он увидел истину. Он увидел ту истину, которую так долго искал. Он увидел истину, к которой все эти годы незримо приближался, стремясь достигнуть побыстрее; а то, что это не удавалось, в этом видимо тоже была своя тайная закономерность; закономерность того, что именно так все и должно было бы быть. Именно так и никак иначе.

Он улыбнулся. Впервые за последние годы в его глазах появилась радость. Быть может это была радость от того, что ему не надо было больше ничего искать. А может это была радость окончания пути. Радость достижения того, что все эти годы он с таким усердием искал, к чему с таким трепетом приближался. И чего видимо все также боялся, или справедливее сказать опасался.

Быть может он опасался, что если найдет, уже нечего будет искать? Или может быть, раздумывая над происходящим, находил какое-то слабое утешение жизненным обстоятельствам именно в поиске? Но тогда уже получалось, в вечном поиске. Вечном поиске истины, счастья, быть может, какой-то тайной радости, и такого же тайного и совсем необъяснимого радостного везения; чего-то даже такого сверхъестественного и недостижимого, что все время норовило ускользнуть, и, по сути, ускользало. А что тогда он? К чему тогда, получалось, все это непонятное томление, которое расплывалось по душе, изредка отзываясь эхом в нервах. Нет, этого наверное не было. А может ему больше казалось что это было именно так; когда на самом деле все время создавалось лишь видимость чего-то такого, нужного и необходимого, ему. А на самом деле не было.

Он не знал. Он понимал, что в который уже раз готов был вновь запутаться в происходящем. Да и само происходящее все как-то казалось ему таким... нереальным что ли.

И он боялся этой нереальности. Он верил и не верил в нее. Он знал, что она вот-вот и приблизится к нему, и при этом ему вдруг начинало казаться, что ничего такого быть не должно. Что все это если и было, то было таким несерьезным, что вроде как и не нужно было чтобы когда-либо наступало какое-то понимание. Потому что... потому что не было такого понимания. Потому что такое понимание попросту не существовало. А если когда-либо и было... Нет. Скорей всего все же его не было. Он не мог допустить, что оно действительно существовало. Что он попросту заблуждался в себе, в других, заблуждался вообще, потому что заблуждался. И он понимал, что ошибается. Именно тут, именно в этом он ошибается, тогда как на самом деле все должно быть иначе. Все попросту должно быть не так. По-другому. Должно быть все как раз до обманчивости наоборот. И видимо это было действительно так. И видимо это было бы действительно правда. И видимо в этом в какой-то мере скрывалась та истина, к которой каким-то тайным и доселе необъяснимым образом он приближался. Но и приближаясь, он не чувствовал что нащупал наконец-то то, что ему так было необходимо. Нет, это было даже быть может и попросту невозможно. А ему... ему требовалось еще долго идти. И путь этот был путь в никуда. Но именно на этом пути Аркадий почему-то был уверен, что повстречает счастье. Счастье. Вот чего ему на самом деле никогда не хватало. Но воскликнув в радостном озарении, он уже понимал что ошибается. Счастья в его жизни в иные разы было столько, что оно казалось излишним. Хотя возможно ли это?

Он был готов признать, что на самом деле запутался. Запутался в поиске истины. Запутался в необходимости такого поиска. Запутался во всем; также как и все, от чего еще недавно он мог отталкиваться в своих размышлениях, внезапно показалось ему таким ненужным, странным, и даже в какой-то мере коварным, что он втайне обрадовался, что все произошло именно так, а не иначе. Да и как могло бы быть иначе? Никак. Вот именно.

Глава 3

И все же время шло.

Когда он первый раз об этом задумался? Сейчас для него это выглядело загадкой. Быть может?.. – он не знал, что ответить себе. Пожалуй впервые он не знал что ответить себе.

--Лиха беда начало,--проговорил он почти вслух и ужаснулся своего голоса. Голос звучал как-то слишком неестественно. Что-то туманное накатывало на душу, стягивая сердце словно в воронку, а потом все проходило, и можно было вновь рассуждать о жизни.

Так получалось, подумал он, что в последнее время приходится все больше рассуждать. Рассуждения были ни о чем, и часто пугали его самого. Но он не отказывал в разговоре с самим

собой. Так ему было спокойнее. Нет, не легче, но спокойнее. Словно ощущал он, что предстоит ему какая-то важная миссия. Что это была за миссия, и вообще миссия ли – он старался не задумываться; отгоняя нехорошие мысли прочь. До следующего раза. Хотя когда он наступит: следующий раз? Да и наступил ли? Он не знал. Не знал, пытаюсь вписать себя в правду жизни. Пытался, понимая, что ничего по-настоящему у него не выходит. Не потому что не может. Почему не может?— мог бы он спросить у себя но не спрашивал. И так слишком много было тайн и заблуждений. Не хотелось усугублять. Ему надо было просто жить. И он жил. Жил...

Видимо в этой его жизни он сам не усматривал чего-то нового, поучительного, интересного если хотите. Но если не видело он – можем ли увидеть мы? Не можем. Не можем, потому что в любом случае увидим мы что-то другое. Можно писать «простыми словами». Можно точно (и почти намеренно) указывать на то, как это должно быть, но все это все равно будет не то. Или не совсем то, что почти равнозначно предыдущему утверждению. Если это, конечно, утверждение. Хотя может ли быть как-то иначе? Он писал эти строки, а сам в любой момент мог признаться, что не понимает происходящего. Весь мир как-то разом ему показался не существующим в той реальности, в которой видел он его. В реальности, в которой видели этот мир другие. В реальности, которой на самом деле может и не было. А если была, то значила ли она что-то для него? Не являлась ли она лишь цепочкой загадочных размышлений, которые в итоге могли не привести ни к чему, кроме как только к продолжению этого вечного диалога с самим собой. Он еще тешил себя иллюзией что такие «беседы» к чему-то приведут. Нет. Пожалуй, он ошибался. Но и даже тогда было интересно (и в какой-то мере важно, непременно стоит отметить что важно) чтобы он добрался до какого-либо (более-менее) реального окончания этого происходящего. Хотя пишу и думаю: возможно ли это? Не есть ли это та ошибка, от которой следовало бы предостеречь самого себя как минимум, и что уж точно – предостеречь его. Ведь не мог же он заниматься пустым трудом. Хотя, опять же, не бывает труда «пустого». Любой труд (а творчество особенно) ведет к избавлению от мучительнейших страданий. В этом заслуга творчества. В этом его миссия, если мы решили заговорить о миссии. Да и, по сути, что может быть так а не иначе? Особенно если «иначе» невозможно.

Глава 4

Иногда мне становилось не очень хорошо на душе. Со временем я научился с этим справляться. Странно, конечно, думал я, но то, что раньше вызывало настоящую душевную бурю, сейчас вызывает только улыбку. Как все-таки меняет человека время. Почти невозможно сказать, как это все будет выглядеть завтра. Поступки, которые я совершаю сейчас, в будущем могут быть одобрены или попадут в графу «ошибка». Тогда уже видимо очередная ошибка. Если проанализировать сколько их совершенно за всю жизнь, то правильно будет заметить, что я давно

(быть может и с момента совершения) стал искать общий алгоритм как добиться того, чтобы если не совершать их совсем, то по крайней мере не так часто. И даже со временем, после мучительных поисков и апробаций найденного, считал, что нашел. Но так продолжалось до следующего периода времени, когда в результате анализа можно было сделать вывод что ошибки все так же продолжали совершаться.

Но я хочу заметить, что это ни в коем случае не было каким-то «самоедством». Нет. Я отдавал полный отчет в возможном зашкаливании моего состояния в сторону развития какой-нибудь клинической психосимптоматики, поэтому как мне казалось, надежно удерживал психику в норме. Причем до определенного времени понятие нормы было скорее нормы в моем представлении, нежели каких-то официально принятых позиций нормы. Но со временем я разобрался и в этом вопросе, и теперь знал, что - как - и кому - при случае говорить. Признак если не таланта то одаренности – умение вносить вариации. Такие вариации не могут быть заготовлены заранее, они должны рождаться в единый момент, и исчезать при малейшем подозрении в их ошибочности или намека на устарелость, изживание себя. Глупо приводить пример, который напомнит шаблон, будет зависеть от стереотипа, или окажется недолговечным. Поэтому важно не помнить, а именно обладать способностью всякий раз рождать новые вариации касаемые эпизодов жизни. И чем такая способность в человеке будет представлена шире, тем в какой-то мере легче ему будет жить. Так я полагал. И поэтому отталкиваясь в том числе и от этих моих представлений строил жизнь. А жизнь периодически строила меня, вынуждая после каждой вновь совершенной ошибки вносить новые коррективы.

Нет, конечно, можно жить и не обращая внимание на ошибки. И даже не называть их ошибками, придумав какое иное объяснение совершенному. Но по сути, это мало что изменит. Потому что в душе вы будете считать как раз так, как это и есть на самом деле. Чтобы вы при этом не скрывали на словах, и какие воздушные замки не выстраивали мысленно. Это все не то. Это все пустяк. Это все ошибка. Быть может лишь очередная в длинной цепи происходящего и со мной и с каждым из вас. Или не с каждым. Не все хотят и умеют думать. Ошибочно полагая, что им этого не надо. Хотя и они думают, конечно. Но вопрос, что думают они на уровне лишь своего, присущего им на тот момент, интеллекта. И если они с позиции этого интеллекта пытаются делать общеглобальные выводы – то совершают ошибку. Как и совершают ее все равно, если такие выводы делать не пытаются.

Удивительно. Иной раз и на самом деле казалось все весьма и весьма удивительным. Жизнь как будто стала проходить настолько быстро, непонятно, практически в необъяснимом стремлении достигнуть недостижимого. И вот проходит еще какое-то время, и я вижу (и более чем отчетливо понимаю) что мне на самом деле уже не успеть. Что жизнь фактически заканчивается или

готовится закончиться. А потом проходит еще какое-то время, и я вижу, что ничего особенного как будто бы не происходит. И все продолжается как прежде.

Странная штука – жизнь. Фраза настолько часто произносимая, встречаемая, и при этом совсем как будто и не избитая. Или избитая? Иногда я бы мог сам себя не понимать, если бы не решил когда-то давно, что перестану себя корить. И стану если не радоваться жизни (совсем уж радоваться, совершая столько ошибок, может и слишком глупо), то, что уж точно, относиться к ней с большим уважением или – безразличием.

И первое, и второе, и уважение и безразличие, являясь на первый взгляд разными, и чуть ли не диаметрально противоположными понятиями, на самом деле выдают значение одного: отношения к жизни. А это иной раз очень дорогого стоит.

Глава 5

Совершенно точно было что я понимал, что происходит что-то загадочно-забавное, но относился к этому настолько философски, что тогда бы уже задуматься о том, что будет дальше. Но я не думал. Я предпочитал не думать, потому что знал, что мало что изменится от таких моих размышлений, ибо жизнь давно уже научила тому, что бывает она настолько своенравной, что ничего не зависит ни от нас, ни от каких бы то ни было предсказателей. А если кто и пытается что-то разгадать, так толком ничего у него не получается.

.....

Со временем я понял, что мне - что пытаться понять, что даже если и понять, - на самом деле ничего толком не изменится. Попытки вести диалоги с кем-то другим (равно как и от третьего лица) точно так же ни к чему привести бы не смогли. Что тогда оставалось? Да ничего. Жить. Просто жить, наблюдая за жизнью. Что я, собственно, и делал. А как иначе? Опускать руки я был не намерен ни сейчас, ни когда-либо раньше.

Глава 6

Было точно, верно и правильно, что в своей жизни я совершал поступки, которые не то что не могли никуда привести, но уже сами по себе несли в себе некую ужасающую направленность, которая не могла ничем закончиться кроме как чем-то странным и нелепым.

Действительно, все чаще я совершал поступки не потому, что необходимо было их совершать согласно текущему моменту, а просто потому что необходимо было посмотреть чем все это закончится. То есть мной в первую очередь двигало любопытство. Причем такой забавный эксперимент над самим собой иной раз мог закончиться и весьма плачевно. По крайней мере, очень

часто все шло к тому. И как ни крути, выпутаться и хоть как-то спастись было практически невозможно. Сложно и невозможно.

.....

Но я ничего не мог с собой поделать. Постепенно я заметил, что меня все больше тянуло в сторону таких вот удивительных пертурбаций течения собственной жизни. А сколько я не пытался подобное прекратить, не только не получалось, но и скорей всего особенно как-то не выходило.

--Не выходило, потому что ты сам не хотел,-- сказал мне голос внутренней совести, что заставило меня задуматься.

Думал я не только над сказанным, но и над тем, почему мне это было сказано именно сейчас.

--Так что ты молчишь?— повторился все тот же голос.— Если считаешь что не прав – признай это. Если прав – отстаивай свою правоту.

--Я прав,--вступил в диалог я.— Прав, и потому что не считаю необходимым что-то кому-то доказывать....

--Не кому-то, а себе,--перебили меня.

--Нет, кому-то,--повторил я.— Себе мне давно уже не надо ничего доказывать. Период подросткового исследования мира прошел. Теперь я точно знаю что хочу. Так же как чего и не хочу.

--Ну, мало кто знает, что он на самом деле хочет,-- усомнился мой абонент.

--То есть как это?— удивился я.

Видимо в моем изменившемся тоне собеседник прочитал нотки агрессии, а потому замолчал.

--Нет, что же ты?— уже не унимался я.— Начали беседу – давай ее продолжим. Ты считаешь, что я не прав.

--Знать бы кто в этой жизни прав, а кто нет,-- философски заметил мой собеседник.

--Ну, знаешь,--несколько недовольно произнес я.— Так мы можем вообще неизвестно до чего договориться. Как это мы не знаем кто прав? Если ты говоришь что-то уверенно и четко – значит прав. Если...

--Странные градации правоты,-- перебил меня собеседник.

--А почему бы и нет?— настойчиво произнес я.— Мы ведь сами решаем что к чему. Что в этом мире нам необходимо, а от чего следует расстаться.

--Значит ты полагаешь что человек всегда прав, что бы он ни говорил?— как мне показалось несколько удивленно произнес собеседник.

--Полагаю что так,-- кивнул я.

--И по-твоему, чтобы человек не совершал, если он не абсолютный идиот, то совершает это с уверенностью что прав.

--Полагаю что так,-- вновь кивнул я.

--Забавная логика,-- как мне показалось, присвистнул собеседник. Хотя понятно, что рядом со мной никого не было, я общался с самим собой, а значит мог в любой момент встать и уйти, и меня бы...

--Уйти ты не сможешь,-- перебил мои мысли собеседник.

--???

--От себя не уйдешь.

--Верно,--подумал я.

Глава 7

Все чаще ко мне стало приходиться ощущение какого-то непонятного завершения жизни. Понятно, что этого просто не могло произойти. Но вот ведь незадача, подобное было. Я даже, могу признаться, постепенно смирился с таким ощущением. Да и что оно,-- рассуждал я,-- не более чем иллюзия всего происходящего. А если так, стоило ли переживать?

Я удивлялся как много и как на самом деле мало я сделал. С одной стороны было величие незавершенных дел, с другой – утопия этих же дел, которые, мне казалось, уже никогда не удастся завершить.

И казалось мне, что делал я большую ошибку. А после того как казалось это, становилось мне по настоящему грустно и обидно. Ибо, что такое жизнь? Всякий человек в той или иной мере пытается в ней что-то сделать, чего-то достичь, да как мерить нам потомкам, достижения эти? Не существует единой градации, шкалы весов. А все что есть, изобилуют людскими ошибками, ибо прав Господь, человек ошибается. Слишком часто ошибается. Пусть он и кается в грехах, но ведь как не вернуть убиенных смертных апостолом Павлом (до его прихода к Богу), так и невозможно залить рану души теми поисками очищения, какие предпринимает каждый из нас в течении жизни. Или вернее сказать, на каком-то этапе собственной жизни. Чтобы после может и забыть, чтобы после уже и не заниматься этим, а идти вперед, как идет вперед и вся цивилизация.

Но то, что впереди пустота, об этом не все знают. И я не знал, когда искал свое счастье. Когда пытался его искать. Когда вроде как что-то и находил, но каждый раз убеждался что это «что-то» есть очередная ошибка, и надо искать заново.

Я и искал. К чему приводили мои поиски, отчасти рассказал я в этой книге, а в основной своей массе ведь и не вспомнишь. Что было? Эх, а что было? Как нам, людям, относиться к тем страданиям, которыми наградила нас судьба. Были ли это действительно страдания, или может, какое испытание господне? Действительно загадка. Загадка мира, загадка мироздания, загадка всего

того, что существует рядом с нами, и удаляется от нас, оставляя нас в неведении относительно того что же все-таки произошло.

.....

Порой мне кажется, что мир очень коварен. Он даже может быть коварен настолько, насколько не может представить каждый из нас в полной мере. Да и что такое мир, когда никто из нас толком и не знает его. Сотни философов что-то писали, каждый или отрицая или дополняя другого, но никто так и не пришел к единой истине, ибо как известно, сколько людей столько и мнений.

Но что такое тогда я?— задавался я вопросом, и мне очень хотелось найти ответ, ибо не хотелось ждать слишком долго, а особенно всю жизнь.

.....

Конечно же, всю жизнь сдать не придется. Это я уже понимало сам, об этом догадывался в течении жизни, да и это уже как бы само собой предполагалось. Поэтому все что оставалось мне, это настроиться на нечто такое непонятно-необъяснимое, чтобы, наверное, просто жить. А иначе, зачем это все?

Глава 8

Несмотря на как будто бы кажущееся понимание, я тем не менее оставался в полном неведении относительно того как сложится моя жизнь дальше. С одной стороны меня манили какие-то неведомые дали, но с другой стороны я понимал что они, по сути, ничего в себе не несут, и по большому счету их может быть и вовсе не существует. Окружающая действительность порой и действительно мне казалась настолько запутанной и непонятной, что не проходило и часа, чтобы я не оглядывался, пытаясь соотнести то что увидел - с тем, какой мир был в моем представлении. И при этом я самым ужаснейшим образом страдал, ибо словно бы оказался в каком-то удивительном капкане из собственных желаний, разбивающихся о стену отсутствия возможностей.

И это поистине тяжело и непонятно. Ведь что сделал бы кто-то другой в моей ситуации? Да и возможно что ничего, толком ничего, ибо запутался бы он, замер в неведении, да быть может и упал бы пропасть отчаяния. А я жил. Я продолжал жить несмотря на то, что давно уже мог признаться и самому себе в полной путанице относительно всего, что происходило со мной. И это было ужасно.

.....

В один из дней, наполненный решимостью действовать, я стал пытаться нащупывать какую-то справедливость, и уже в предвкушении ее стал думать над тем, что меня ждет впереди. При этом такие ожидания становились еще больше загадочными, чем больше я размышлял об этом. Но что такое размышления? Кому нужны они, если каждый раз, стоит только задуматься еще больше, как наталкивались мои мысли на воспоминания из прошлого. И это прошлое било меня, не жалело, и нисколько не считало что хоть когда-нибудь будет как-то иначе.

Нет. Иначе быть не могло. Со временем все становилось настолько предсказано, что мне уже совсем ничего не оставалось кроме как прекратить собственные страдания. Что, впрочем, было не так-то и легко сделать. Почему? Да потому что возраст у меня уже был такой, что я мог погружаться, но не так-то легко было всплывать.

Часть 2. Приключения иностранца

Глава 1

В своей стране я был иностранец. Так по крайней мере начал ощущать себя с детства, когда не находил что мои мысли совпадают с мыслями сверстников.

Ощущение оторванности еще больше усилилось в старшем подростковом возрасте, когда мой хуй стоял почти 24 часа в сутки, и я не мог понять - почему так устроен мир, что те, которые имеют созданные природой отверстия для того чтобы принять в себя мой член, играют в какие-то странные правила приличия, не особенно стремясь впустить меня в свою пизду, попу, или рот. Точнее – не предлагают сами, в душе видимо мечтая чтобы их трахнули как бы без их ведома. Причем не просто трахнули, а настойчиво ебали долго и методично, обрабатывая все отверстия, и долгое время не собираясь останавливаться.

--И ведь как было бы здорово,--рассуждал я тогда,--если бы предложения о сексе поступали мне каждый день и от одноклассниц, и от встречавшихся на моем пути женщин, некоторые из которых, подозревал я, вполне допускали мысль о том, чтобы их выебал своим горячим от возбуждения членом юноша.

Но для женщин подобное было запрещено законом. Причем закон явно не спросил желания у юношей, большинство из которых, как предполагаю, были бы совсем не против, чтобы их фаллос оказался в умелых руках опытной женщины.

В юношеские годы подростки еще не делают тех разделений, которые им становятся свойственны когда они вырастают, и уже более-менее сознательно отбирают себе самок для совоупления. Я не был исключением, и мне тогда хотелось (впрочем, как и сейчас), чтобы какая-нибудь женщина взяла мой член в рот, и высосала из него все, что насосет.

Но тогда это были мечты, и потому приходилось каждый день (и по несколько раз в день) онанировать в пустоту.

Уже тогда я чувствовал несогласованность установленных правил в обществе с истинными желаниями людей. Причем я говорю только о желаниях. У кого таких нет, или морально и физически не созрели, или же генетически не предрасположены к сексуальной свободе - таких в сторону. Не о них речь. Пусть живут как живут. Но вот если ты хочешь и понимаешь, что общество навязывает тебе другие модели поведения... Тогда наблюдается явный дискомфорт.

Желания у человека всегда выше норм и запретов. И это будет всегда приводить к душевному дискомфорту, потому как почти каждому человеку приходится сдерживать себя, дабы не прослыть маргиналом, а значит хотя бы более-менее адаптироваться в обществе. В социуме. В этом чертовом социуме, который и устанавливал такие законы. Законы не ебаться, когда ты хочешь именно ебаться. Законы разыгрывать порядочность, когда на самом деле тебе хочется только одного. Вернее, сначала хочется только выебать кого-то, и только потом рассуждать о прекрасном. Чистом, прекрасном и светлом. А какое чистое и светлое может быть после того, как вы сначала как шахтер-ударник пробуравливаете анальное отверстие партнерши, а потом вставляете этот же член ей в рот; и, причем, она сосет так отчаянно, что даже если вы уже успели кончить пока ебали ее в попу, ваш хуй продолжает стоять как оловянный солдатик, вполне готовый для новой эякуляции.

А вообще-то я всегда стремился нарушить устанавливаемые моральные правила. И предпочитая жить по своим правилам, совсем не шел на поводу у тех, кто принимает жизнь такой, как она была, нисколько не стремясь изменить ее. Подвести под себя.

И это была ошибка таких людей. Они зря сдерживали себя в своих сексуальных проявлениях. Делать так было не нужно. Что нужно? Нужно было ебаться, пока стоял хуй, и думать о ебле, когда этот хуй временно заканчивал свою работу, частично уставая, а частично ведя себя так, лишь потому, что было принято. Принято не ебаться с первым встречным, принято побольше узнать о человеке, принято... В общем, я уже тогда понял что люди сами выдумывают глупые и нелепые правила, которым стараются во что бы то ни стало соответствовать. А если не всегда удавалось -- или замаливают грехи в церкви, или мучаются чувством вины и прочей симптоматикой нервных заболеваний.

Что до меня, то я решил идти своим путем. Да и, как подозревал, не только я. А потому именно в те юные годы у меня уже стала вырисовываться та двойственность, свойственная, если вспомнить Фрейда, природе человека.

--Сучьи выродки,--думал я обо всем этом, и в силу возраста считал, что существуют конкретные люди, которые устанавливали законы поведения в обществе, недопонимая, что любое общество развивается примерно по общим законам. Но тогда я думал о тех людях, которые ввели

запрет на свободные сексуальные отношения. А сами.... Я был уверен, что сами они не ограничивали себя в пуританских правилах.

--Ебутся как кролики,--думал я.— Да и не только ебутся, а некоторых еще и ебут,--спешил закончить я свою мысль, чтобы достать из памяти, прокрутив в воображении, очередной эротический сюжет, дабы самостоятельно доставить себе удовольствие. И доставлял. В те годы особенного разнообразия не было. И все что мне оставалось – заниматься самоудовлетворением. Как и миллионам моих сверстников.

Но я верил, что все когда-нибудь изменится. Верил, что придет время, и у меня появится выбор. И я смогу сам выбирать себе партнерш для секса. Причем как-то понял, что так как мерилом для большинства членов общества являются финансовые отношения, то вполне разумно и в интимные отношения вступать по схожему плану. То есть попросту заказывать себе проститутку, выбирая тех, кто наиболее приглянулся, то есть будет полностью подчиняться вам в постели, особенно не выкаблучиваясь, ведь вы платите деньги, и за эти деньги можете себе позволить быть самим собой.

Видимо в те юные годы меня мучил вопрос: сколько мне еще оставалось ждать?

Ждать, впрочем, оказалось не слишком долго. Быть может я бы и дальше терпел, подстраиваясь под обстоятельства, да вмешался случай: я попробовал алкоголь.

Поначалу я только выпивал. Можно сказать, что я совсем неожиданно открыл для себя возможности, которые давало алкогольное опьянение, и почти сразу влюбился в эти возможности. Стоило мне выпить всего стакан вина – как у меня разом снимались запреты, что мне навязывало общество с его условными нормами поведения и жизненными ценностями. У меня ценность была одна – выпить самому, напоить подружку, и вступить с ней в интимную связь. Оттрахать попросту.

Вот, правда, подружек пришлось ждать до моего совершеннолетия. Но зато потом я не останавливался лет десять. За эти десять лет я переспал с сотнями девушек и женщин. Большая часть из них были в меня влюблены. Почти половина – влюбились по уши. На семерых я успел последовательно жениться и развестись. Вот она жизнь, думал я, играя свою роль уверенного ловеласа с очередной пассией. Причем только малая часть из всех моих девушек спали со мной за деньги. За деньги это как бы выходило случайно или на зло кому-то из бывших подружек, которых внезапно не оказалось рядом, когда у меня стоял член и свербили яйца. Основная часть девушек сосали мой член по любви. Каждую пятую я трахал в попу. Каждая десятая просила в попу еще. И лишь несколько раз попадались таких, которые хотели только в попу, и из всех развлечений предпочитали лишь одно: чтобы я поглубже ввел член в их анус, и как можно дольше его не вынимал. Нравилось им это. Возбуждались, стервы, именно от этого. И я сам не заметил, как так случилось, что эти девушки оказались моими самыми любимыми. Ведь я тогда считал, что если

подруга не дает вам в попу – то это рождает подозрение. А раз подозрение, то от таких женщин я старался избавляться. Почему-то они мне считались ненадежными.

Глава 2

За десять лет, прошедшие с начала моей половой жизни, я действительно многое испытал с девушками. Я мял их груди. Я целовал их половые губы. Иногда, всасывая в себя вульву, я одновременно давал им сосать мой член. Мы и возбуждались и кончали одновременно. Потом я научился сдерживать оргазм, позволяя себе кончать, дождавшись пока партнерша сделает это как минимум пять, а лучше десять раз.

Учитывая, что мои половые партнерши кончали именно столько раз, я мог сделать вывод, что девушки мне попадались сексуально одаренные. Но учитывая большое количество таких девушек, допускал, что именно такая категория девушек каким-то чудодейственным образом знакомилась со мной. Тогда как всякие «монашки» да недотроги – проходили стороной, стесняясь, и после догоняясь дома самостоятельно; в ванной, например, или лежа перед сном под одеялом и активно мастурбируя, закатив глазки и вспоминая меня. И мне становилось горько от таких представлений. Потому что я знал, что доверься мне, преодолев в себе ложную стыдливость, они получили бы намного больше.

Когда я вспоминал прошедшее, у меня всегда вставал член.

Чтобы он зря не простаивал, специально для этого у меня были три постоянные, сменяемые друг друга, половые партнерши; девушки жили по соседству, и, по сути, кто-то из них всегда оказывался дома, а значит был готов придти ко мне, чтобы снять сексуальное напряжение. Да и что им еще оставалось? Ведь я любил их. А для девушек сосать член любящему мужчине намного лучше, чем делать это первому встречному, или какому-то мудаку, который из-за своих внутренних комплексов через время начнет устраивать сцены ревности и в итоге допечет так, что сделает их жизнь мучительной.

А я был не такой. Мои девушки не только могли ебаться с кем хотели (так сказать, для повышения квалификации), но могли делать подобное и в моем присутствии. А что? Меня это всегда возбуждало. Как и возбуждали разговоры--воспоминания моих партнерш о том, как трахали их или как они были свидетелями того, как трахали их подруг. Для меня это вообще особая и отдельная статья доставления себе удовольствия. Представляя, как моя подруга сосет кому-то член, я всегда по-особенному возбуждался. И мне было все равно, делает она это из-за своего блядства или стремления к риску, а может даже и вне собственной воли. Почти по принуждению. Мотив мне был безразличен. А вот воображение разыгрывалось невероятно. Кульминацией было изнасилование (уже мной) подруги-рассказчицы (как бы за все ее грехи). И врываясь в ее плоть, я часто ловил себя на мысли что действую словно подвыпивший шахтер-первопроходчик, в порыве

пьяного азарта кромсающий породу своей киркой. Вместо кирки у меня был хуй. Породу имитировали последовательно анус, рот и пизда. Снова и снова извлекая и всучивая глубже, мой хуй работал как отбойный молоток: энергично и с минимальными паузами. А на выходе были стоны партнерши, захлебывающейся спермой и слюнями в порыве страсти. И как же были прекрасны все эти бляди в момент оргазма! Мышцы их лица размягчались, тело расслаблялось, и на какой-то миг девушка становилась такой, какой она и на самом деле должна быть. Страстной, податливой, желанной. И что самое главное – естественной. А если она естественная, если она не скована нормами и запретами, принятыми в обществе, значит с такой девушкой все в порядке. И она могла стать моей любовницей, или, например, выбрать в любовники меня. Такое ведь тоже бывало. В ряде случаев я сам провоцировал это, интуитивно догадываясь, что для каких-то девушек будет дополнительным сексуальным возбуждением то, что они сами выбрали себе партнера.

Глава 3

Когда случилось, что стал играть я сразу в две игры? Должно быть тогда, когда я понял что могу позволить быть собой. Могу воплощать в жизнь все те фантазии, которые невообразимым образом теснились в моей голове, вырываясь наружу в воплощенных поступках – сиречь - желаниях? Может и так. И вот тогда, по всей видимости именно тогда я стал даже не пробовать (период неуверенности прошел), а реализовывать все то, что так долго томилось, не находя выхода. Видимо так. И уже тогда получалось, что я заигрался. Я сам не заметил, что заигрался. Во мне жили уже два человека. Один – тот, которым я должен быть и был. Второй – тот, которым хотел стать. И когда первый все больше стал воплощаться в действительность; когда этот первый, появившись, уже не исчезал, все четче стал вырисовываться и второй. Мне бы тогда избавиться от одного из них. По всей видимости, как раз тогда еще было время. Но теперь этого времени не было. Во мне стало вдруг жить сразу два человека. Один – тот, которым официально меня считало большая часть окружающих. Второй – тот, которого тоже знали окружающие. Но не все. Далеко не все. И этот второй мне нравился больше. Ведь он был я. Но первый... От первого я так и не смог избавиться до сих пор. А чтобы не было в психике дисбаланса, в какой-то момент убедил себя, что вполне могут уживаться двое. Двое, которые реагируют в разных обстоятельствах по-разному. И хотя со временем я максимально (где было возможно) соединил их, они все равно различались. Различались настолько, что для того, чтобы не запутаться – я сознательно бросил пить. Теперь я все время был трезвый. Я сам, сознательно, загнал себя в ловушку, но так было надо.

.....

Итак, я одновременно жил двумя жизнями. И проживая их, почти не сомневаясь, что так и должно быть на самом деле. То есть так было,-- и это вполне меня устраивало.

Видимо устраивало, раз так продолжалось достаточно долго, да и в какой-то мере продолжается сейчас. А что делать?! Жизнь она ведь по вашему усмотрению может быть или простой или многогранной. Я выбирал чуть сложнее. Кто-то ищет простоты. А на выходе все равно получится - как придется. Никто никогда ничего не сможет предсказать. Миллиарды различных ходов-комбинаций, состоящих из жизненных ситуаций и поворотов судеб. И со всем этим надо считаться. Будет лучше – если станете считаться. Так спокойнее. Да и мне все это не мешало. Не мешало находить девушек, которых я почти безошибочно выцеплял в толпе, уже зная, что они готовы на все ради меня; тем более что это «все» -- заключалось лишь в одном: отдаться мне и делать то, что мне нужно, в постели. Взамен – удовольствие. И мне и им. Взаимное, получается.

.....

В женщинах я любил, прежде всего, грудь, лицо и попу. Желательно когда были в наличии все три составляющие. Лицо обязательно. Женщина не должна быть страшная. Она может быть похожа на мужчину, главное чтобы черты лица были правильны. Не обязательно красивы. Просто правильные (более-менее), потому что спать с кикиморой не очень хотелось. Разве что если эта «кикимора» вдруг оказывалась настолько чувственной, что затмевала свою некрасивость. Главное ведь чтобы женщина возбуждала. А уже для этого важно, чтобы она была доступная, раскованная, и понимала, что должна сосать ваш член и подставлять свою попу; мой пенис вообще испытывал какую-то особенную страсть к попам девушек. Это пизда может быть растянута, так что хуй там будет как в ведре. А вот попа... Женский анус всегда упруг и по своему привлекателен. А значит и достоин, чтобы вы окунули в него свой орган любви. Ну, то есть хуй, если называть все как я привык, своими словами.

Сам хуй при этом тоже радуется, потому как стенки анального отверстия надежно облегают его мускулистое тело. В итоге наблюдается полное единение с кровеносными сосудами, и оргазм выходит бурный и по-особенному приятный. Я даже думаю что мнимые запреты, которыми охотно пользуется ряд недалёковидных дам, исключая из своих половых контактов анальный секс, в какой-то мере как нельзя кстати. Такие запреты по-особенному доставляют удовольствие тем, кто не обращает на них внимания. И в то же время знает, что не все дают ебать себя в попу. Это что касается женщин. А мужчины... Ну, например, я всегда кончал, стоило только сосредоточиться на том, что я трахаю какую-нибудь женщину именно в ее попу. Даже когда такие сцены разыгрывались только в моем воображении (когда под рукой был только хуй, но не было женщины), все равно оргазм всегда получался по-настоящему прекрасным и насыщенным. Причем если такой оргазм случался перед сном – на следующий день было отменное настроение. Настроение даже в какой-то мере творческое, вдохновленное, прекрасное. Это было проверено.

Глава 4

Я не мог, конечно, точно утверждать, но видимо когда-то совершенно точно у меня родилось понимание того, что жизнь строится на взаимоотношениях полов. Уже позже я прочитал работы Фрейда, который убедил меня в моей правоте; точнее я нашел у него то, о чем догадывался и сам. Помыслами большинства людей (мужчин это точно) двигало бессознательное желание, доставшееся психике современного человека от психики человека архаичного, первобытного. Желание овладеть женщиной намного важнее и значимее для настоящего мужчины в сравнении с любыми другими перспективами. Овладение женщиной тешит мужское самолюбие и означает власть. Власть над другими людьми. А человек так устроен, что ему попросту необходима эта власть. Пусть даже такая власть условна, и почти в половине случаев заканчивается уже через пять минут после полового акта. Но такая власть существует. И для кого-то вполне достаточно пусть даже и разовое обладание ею.

.....

С Викторией я познакомился в купе поезда Ереван-Баку. В те годы (это было на закате Советской власти) я считал необходимым посетить все союзные республики, и после Белоруссии, Украины, и Молдавии, направился в Грузию, оттуда в Армению, и уже из Еревана ехал в Азербайджан. Сейчас могу сказать, что удивлен своей дальновидностью в те годы, потому что уже через несколько лет союзные республики заявили о своей независимости, и в некоторые из них до сих пор попасть представляется практически невозможным. Впрочем, теперь я особенно и не стремлюсь. А вот тогда...

Еще при посадке в поезд я выделил достаточно привлекательную женщину, которую сопровождал европейского вида мужчина (что было особенно заметно на фоне кавказских народностей, дружно заполнявших поезд); причем мужчина, как я обратил внимание, смотрел на меня так, словно мы были когда-то знакомы. Я уже знал, что виной тому моя внешность. Большинство из тех, кто видел меня, отчего-то считали что со мною знакомы, или, на худой конец, где-то видели. Что до меня, то было точно, что сам я их не видел, а если бы и видел – то не помнил. Зрительная память в те годы у меня была очень не важная; я мог общаться с человеком (с людьми сходился я всегда легко), а на другой день этого человека уже не узнать. Так бывает не только у меня, успокаивал я себя, но при этом догадывался, что это не очень хорошо. Но специально тренировать память не получалось. Каждый раз что-то отвлекало. Находились неотложные дела. А когда эти дела заканчивались, я уже забывал о своем обещании начать работать над памятью.

Но, тем не менее, я продолжал жить. На тот момент, пожалуй, это было для меня как-то по-особенному важно. Причем в понятие жизни я вкладывал свой особый смысл. Жить, для меня значило жить именно так, как я этого хотел. Жить, чтобы ощущать жизнь. Жить, чтобы не

оглядываться на прошлое. А прошлым считалось как то, что только что произошло, так и то, что станет прошлым уже через минуту. Слишком тонкая грань в моих тогдашних представлениях простиралась между прошлым, настоящим, да видимо и будущим. Эту тонкую грань всякий раз я стремился нарушить. Нарушал. А потому сейчас с каким-то особенным трепетом вспоминал то, что было когда-то; неосознанно при этом вплетая в происходящее то, что только должно было произойти.

И не было мне покоя от этих воспоминаний. Не было покоя, прежде всего потому, что я сам не стремился ни к какому покою. Всякий раз, когда я собирался сказать себе «хватит», чтобы каким-то образом остановить себя, я понимал, что это невозможно. Я должен продолжать жить именно так, как я этого хотел. Должен жить так, как собирался это делать, даже несмотря на протесты души. Душу я вообще предпочитал лишней раз не травмировать. И при этом почти всегда у меня выходило обратное.

И тогда я рвал аорту собственными воспоминаниями. Тем более как я уже заметил, в такие воспоминания слишком часто вмешивалось будущее. А когда я уже был готов запутаться, я, словно ничего не произошло, начинал сначала. Это «сначала» обратный отчет. Я жил так, как должен был жить. Я стремился к этому. Стремился к свободе. К свободе души. Именно душевное спокойствие я выделял всякий раз. Так это было. Так это должно было быть. И я был уверен, что так это и будет.

Как раз видимо тогда я и увидел Викторию и ее спутника. Могу сказать, что я как-то сразу представил себе, какие могут быть между ними отношения в постели, и отчего-то стал убеждать себя, что этих отношений не было.

--Совсем?— спросил я сначала себя, а потом Викторию, когда мы случайно столкнулись в тамбуре и разговорилась. Ну, или сначала разговорились, а после спонтанного секса, случившегося между нами, уже придумали легенду, на случай если женщину спохватится муж.

--Он мне не муж,-- потупив взор, произнесла Виктория.

--Не муж?— заинтересовано повторил я, нежно проводя пальцами по ее соскам, и отчего-то решив не отпускать ситуацию, а постараться узнать о понравившейся мне женщине побольше.

--Не муж,-- спокойно ответила Виктория, слегка разомлев после секса, и спокойно отдаваясь волне нового сексуального возбуждения.— Я сплю с ним в знак благодарности.

Несмотря на то, что Виктория мне рассказала достаточно душещипательную историю из своей жизни (во всей этой истории меня главным образом интересовала даже не сама Виктория, а ее половая жизнь), сейчас я практически ничего не могу вспомнить из нее. В памяти лишь осталось, как периодически Вика прерывала рассказ, склоняясь вниз и обсасывая головку моего члена, а когда распрямлялась и продолжала рассказывать, поглаживала вздыбленный член и набухшие яйца своими наманекюрными пальчиками. Но могу сказать, что именно Виктория была той женщиной, которая первая подарила мне свободу сексуального выбора. И именно после общения с ней я мог

ебать женщин уже более спокойно, ничуть не испытывая психологического дискомфорта, видимо свойственного мне ранее.

Впрочем, это излишки слишком строгого воспитания. После общения с Викторией я действительно стал достаточно раскован. С этой женщиной я занимался любовью в тамбуре, в туалете, в коридоре вагона, и даже в купе, когда мне удавалось сначала напоить ее спутника псевдо-мужа, а после потихоньку, застывая от возбуждения, медленно вводить свой член в упругую пизду 35-летней женщины.

Мне тогда было 18. У меня был достаточно упругий член, который не опадал даже после эякуляции, и я вполне мог заниматься любовью часами, а после того как кончал, мне все равно мне хотелось еще и еще, так что я по-настоящему мог остановиться только тогда, когда понимал, что моя женщина уже действительно устала и больше не может. И когда я чувствовал такое, я максимально ускорял свои движения, и, врываясь в ее плоть (чаще всего это был анус) - изливал туда все содержимое яиц. Вместе со спермой уходили страхи и сомнения. Тревог как таковых не было. И тогда и сейчас я был уверен в себе, полагая, что за что-то прошлое переживать нее имею права. А о будущем не смею загадывать.

Глава 5

Когда я шел к очередной своей женщине, у меня почти всегда пела душа. Помимо души у меня вставал член. Член вставал только от мысли о том, куда (и по какому поводу) я иду. Я уже знал, что женщина встретит меня у порога. У почти тут же у порога я овладею ей в первый раз. Потом будут еще половые сношения. Но именно первый раз (первый за вечер – день – утро – смотря в какое время я приходил) после коитуса надолго оставался в моей памяти. Я помнил о нем даже тогда, когда такой же «первый раз» у меня случался с другой женщиной. Бессознательно я сравнивал своих женщин. Женщин было много, поэтому сравнивать было чему. К тому же мои женщины были разные. И отличались они друг от друга свойственным только им индивидуальным особенностям, но как-то оказывались до удивления схожи в своем желании отдаться вам, предавшись страсти.

Справедливости ради стоит сказать, что не все женщины таковые. На многих отрицательно влияло то их социальное окружение, в котором прошло воспитание. Поэтому такие девушки оказывались по пуритански скованы и застенчивы. Ну а те, которые в силу внутренних причин стремились к свободе, со временем в этой своей свободе зашкаливали через край. И приносили с собой разочарование в том, что спали не только с вами. «Общественный парадокс»,-- как это я тогда называл, и понимал что, по сути, преодолеть подобное фактически невозможно. Значит, оставалось идти по какому-то своему пути. То есть брать в спутницы девушку «чистую» и доверчивую, а после медленно и методично развивать ее сексуальность. Делать из нее блядь, но

блядь только в ваших с ней интимных отношениях. Допуская, впрочем, что со временем такая девушка захочет чего-то большего, а значит попробует переспать с каким-нибудь другим мужчиной. И если опыт будет удачный (то есть без последствий), то такая девушка бессознательно запомнит, что, собственно, ничего страшного и нет. И она вполне периодически может вступать в интимные отношения с другими. Не опасаясь ничего. А если вы начнете сковывать ее внезапными запретами, то тут тоже двойка: она или подчинится вам, или расценит подобное как вмешательство в ее собственную жизнь, и в один из светлых дней пошлет вас на хуй, и уйдет к другому.

Это я понимал. И видимо тогда приучил себя не реагировать на измены. Не считая их за таковые, а даже наоборот, незримо поощряя на это своих подруг, чтобы после спровоцировать у них чувство вины, потому что в такие моменты девушки становятся по-настоящему раскованы, и в своем стремлении «загладить вину» допускают в отношении себя любые вольности. Вы можете делать с ними все что захотите. Можете вставлять свой член в любое их отверстие, и в любом месте, будь то примерочная магазина, приемная депутата, или улица.

И если получилось так, то тогда вы уже никогда не будете ограничены сексуальной свободой девушки. А сможете ебать ее по первому вашему желанию. А она будет не только подчиняться, но и это ей будет нравиться.

Примерно об этом я рассуждал тогда, хотя, конечно, не спешил, чтобы мои мысли вырисовывались в какую-то единую составляющую. Допуская, что с возрастом какие-то мои взгляды изменятся, а значит что-то дополнится в моих представлениях о девушках, а что-то уберется. Но что самое любопытное, до последнего времени я не допускал мысли, что мне придется взять крупнейший по срокам перерыв, во время которого буду вынужден резко ограничить свои контакты; то есть не пускаться уже в чрезмерные загулы, а все силы брошу на то, чтобы начать систематизировать пройденный опыт. Для чего? В первую очередь видимо для себя. Ну а скорей всего это выйдет словно само собой. И от меня не будет ничего зависеть. Потому что занят буду другим, изменится моя жизнь, и все что было в ней хорошего, останется только в воспоминаниях. А я надену на себя ярмо не свободы, и буду даже считать что так и надо.

Человек странное существо. Я был еще более странен, так как еще с детства старался жить совсем иной жизнью, чем жили окружающие. И можно даже сказать, мне это в какой-то мере удалось.

Глава 6

Я стремился познавать мир. По ряду причин (в некоторых из которых до сих пор не разобрался) я находил необходимым всегда казаться старше чем был. Видимо выходило так, потому что подобным образом ощущал себя внутренне. И тогда уже не хотелось мне, чтобы

окружающие примеряли на меня свои стереотипы в оценке людей. Это было бы не правильно и очень ошибочно. Поэтому я старался жить - как хотел, но знал что не всегда так будет возможно, и необходимо очень многое сделать для того, чтобы позволить себе самому быть таким как есть; вести так, как хотел; жить, в общем, своей жизнью, не оглядываясь на жизнь что была вокруг. И главное, не оглядываясь на то, как эту жизнь понимали другие. Не подстраиваясь под них. И это во все времена моей жизни было очень важно для меня. Подобное казалось мне залогом моего выживания в мире; залогом моей индивидуальности и идентичности.

Так, в общем, и получалось. До определенного времени я заставлял себя терпеть людей, с которыми вынужден был соприкасаться в жизни. Со временем все больше избавляясь и от них, и от желаний хоть кому-нибудь подчиняться.

Вообще-то это очень интересно. Ведь любой человек, проживая в сообществе других людей, попросту обязан подчиняться принятым законам и правилам. В ином случае общество отвергнет его, что фактически приведет к окончанию социально активной жизни такого человека, и через время к окончанию жизни как таковой. Поэтому любому человеку ничего не остается, как подчиняться. А со временем он уже и не замечает, когда стирается та грань между его истинными желаниями, и желаниями, которые являются следствием проживания такого человека в социуме. При этом понятно что общество порой накладывает неизгладимый отпечаток на человека. а что получается в итоге? В итоге или у такого человека гробится жизнь (и он мучается, переживая и расстраиваясь за то, что он такой), или же наоборот, пускается «во все тяжкое», и тогда уже порой действительно трудно (а то и невозможно) бывает остановиться.

Какую жизненную линию выбрал я? Сейчас могу сказать что, несмотря на то, что определенная модель вырисовывалась в те годы, чего-то точного и основательного еще не было; с другой стороны, я все время шел к цели, уверенно преодолевая временные неурядицы, и по сути, как убеждая себя, что все равно надо ждать. Ждать, когда наступит то время, когда я могу быть самим собой. Ждать, когда до конца что-то выкристаллизуется в душе, и больше не надо будет тратить время на что-то, что можно будет пройти, не заметив и не отвлекаясь на мелочи. Хотя мелочей-то хватало. Еще бы. Но уже сейчас могу сказать, что все это было действительно мелочами, потому как, анализируя прошлое, могу сказать, что чего-то поистине серьезного и масштабного в этой жизни не происходило. А все что случалось, имело какие-то последствия лишь в тот или иной период времени, но совсем не имело последствий в будущем. Что опять же означало, что носило исключительно временный характер.

Впрочем, иной раз мне совсем не хотелось так запутывать ситуацию. И уже тогда, вся эта философская подоплека была необходима, но нужные мысли в полной мере приходили только тогда, когда я удовлетворял свое половое желание. При этом просто кончить было совсем не то, чем кончить после того как довести до оргазма свою партнершу. Тут как говорится все совсем иное.

Совсем другой психологический эффект. По сути, все, что у меня получалось в жизни, получалось тогда, когда я был необычайно уверен в себе. А так я был всегда уверен, помимо прочего, как раз после окончания полового акта. Когда та или иная моя пассия измождено опускалась на постель, приняв в себя последние остатки моего семени. Как? Или в рот, или в попу, или во влагалище. В последнее я старался не слишком часто кончать, используя подобное половое отверстие для усиления страсти своей женщины. Основными были попа или рот. Так как в рот я мог кончить и без последующего или предварительного секса, то все больше предпочитал заканчивать акт любви проникновением между ягодиц партнерши. Причем сама партнерша после всего, что я делал с ней, зачастую жаждала именно этого. Многим женщинам вообще нравится, когда вы трахаете их в попу. Попу можно при этом обхватить руками, можно, поддерживая одной рукой, другой ласкать клитор или тереть и поглаживать (по ситуации) половые губы; можно придумать какие-либо иные варианты. Неизменным остается одно: вы ебите даму в попу, и от этого испытываете самый крутой и насыщенный оргазм, который только можете представить. Все-таки мужскому члену очень нравится, когда его полностью обхватывают. Слабые или недостаточно упругие стенки влагалища в этом плане подходят меньше всего. Разве что, как вариант, если пизда девушки еще не слишком растянута хуями ваших предшественников, или же, например, если женщина, дождавшись пока вы в нее войдете своим членом, крепко сожмет свои ноги.

Глава 7

Если вспомнить сравнительно недавнюю молодость, можно сказать, что тогда я видимо также как и сейчас стремился сделать окружающих меня людей счастливыми. И дело тут было не только в доставлении им сексуального наслаждения. Были те, с кем в интимные отношения я не вступал, но, тем не менее, старался помочь им своими советами и действиями, направленными на достижение такими людьми счастья.

Что такое счастье? Кто-то сказал, что счастье это когда тебя понимают. Если рассматривать более масштабно, скорей всего счастье зиждется на достижении определенного уровня душевного комфорта. Другой вопрос, что достижение такого комфорта для разных людей будет различным. Но могу сказать, что в целом, у всех все похоже. Пути только разные.

.....

Я встретил Настю, когда она была еще совсем девочкой. Девочке Насте тогда было 16 лет, и она сразу шокировала меня тем, что призналась, что очень хочет со мной переспать. С учетом того что в то время между нами еще не была такая уж слишком большая разница в возрасте (8 лет не срок), подумав немного я согласился.

Настя мне отдавалась жадно и неистово. Она норовила целиком заглотнуть мой член. Она становилась на четвереньки, когда хотела, чтобы я взял ее сзади. Когда мы ехали в общественном транспорте, она запускала руку в мой карман и поглаживала член. Если вагон метро был не слишком людным, склонялась надо мной и сосала. Если был народ, но этот народ сидел как бы поодаль и занимался своими делами (спал или сидел, уставясь в одну точку), Настя просовывала свою ручку мне в штаны и, возбуждив пальчиками, плотно охватывала ствол пениса, умелыми манипуляциями доводя до оргазма. Мне было хорошо с Настей. Девушка тогда открывала для себя жизнь, и охотно реализовывала сцены, подсмотренные в порнофильмах. И кричала Настя в постели очень открыто, ничуть не стесняясь своего проявления любви. Она вообще была открытая девушка. И я даже не знаю, почему с ней расстался. То ли в какой-то момент пресытился ее доступностью, то ли причина была в том, что в меня одновременно влюбились Настины мама и бабушка. Маме Насти было 34. Ее бабушке – за пятьдесят. Последний вариант я даже не рассматривал, а вот с мамой Насти решил попробовать, хотя довольно долго не представлялось такой возможности, пока Зоя Павловна сама не проявила инициативу.

Сосала Зоя Павловна конечно намного более профессиональнее, чем Настя. Даже сейчас, вспоминая те сексуальные безумства, которые мы с ней учиняли, могу практически точно утверждать, что у меня не много было таких женщин как мама Насти. В какой-то момент я даже ловил себя на мысли, что мама Насти была бы не прочь, если бы к нам присоединилась ее дочь, но тогда я видимо подумал что это будет уже слишком, и решил не испытывать судьбу. А что до Зои Павловны, так она решила экспериментировать до конца. Поэтому в один из дней с нами в постели оказалась ее подруга-ровесница. Женщины ебали меня двое суток. Вконец обессиленный я все равно не останавливался, последовательно удовлетворяя двух женщин.

.....

Не знаю когда это случилось, но мне вдруг захотелось полюбить одну женщину. Женщину не какую-то конкретную, скорее даже абстрактную, но она должны быть одна.

Тот ли внушил я себе эту идею, то еще что, но через время она уже не выходила у меня из головы, и я вдруг со всей отчетливостью понял, что оказался заложником своей моноидеи. Даже можно сказать сверх-идеи.

--Что из этого выйдет?— все чаще раздумывал я, а судьба уносила меня в русло каких-то совсем уже невиданных образом. Когда то что мне казалось... То что мне казалось, было это непонятно, необъяснимо, и можно даже сказать нереально. Но это было.

И вот находясь в подобной прострации, через время я встретил ее.

Это была страшная любовь. Настолько страшная, коварная и загадочная, что, пожалуй, когда-нибудь о ней и расскажу.

Часть 3. Сны без яви.

Пролог

Уходя в беспроглядную даль, я шел и как вроде бы совсем не понимал оправданности такого пути.

Но я шел.

Хотелось ли мне дойти? Пожалуй, да. Иначе, зачем же я иду. Но вот с какой-то грустью все больше и больше начинал задумываться о бесперспективности такого вообще пути. И что тогда? Остановиться? Нет. Я этого не мог. Значит... Значит попросту продолжать движения. Веря, быть может, что когда-нибудь придет понимание того, куда, и, собственно, зачем я иду. А пока вперед. А пока продолжить путь. Главное сейчас было не останавливаться.

Глава 1. Сон

Мне сегодня приснился странный сон. Какие-то двое мужчин приятной наружности (по крайней мере что уж точно, в них не было ничего отталкивающего) убеждали меня что нужно поехать с ними, кого-то выручать. Видимо их товарища.

Удивительно, но я не знал ни их, ни их товарища. Хотя понятно, что мы были знакомы, иначе их не было бы рядом со мной.

Итак, они меня звали с собой, но я отчего-то не хотел. Ну, или вернее, понимал (во сне) ненужность таких вот действий. Почему? Потому что товарища, которого они звали меня откуда-то выручать, не было в живых. Сном во сне я увидел как того повесили. На дереве. В лесу. Какие-то другие люди.

Но мои попытки объяснить это не вызвали никакой реакции кроме того, что мне сказали что меня ждут в машине на улице, чтобы я собирался и, мол, поедem.

Мне всегда было интересно все, что происходит вокруг, поэтому поддавшись любопытству, я стал собираться.

Помню, искал я свою короткую кожаную куртку, так как решил, что если будет какой конфликт, мне легче будет драться (с врагами, конечно же, с врагами) в короткой куртке, нежели чем в длинном плаще, в который я был тогда одет (во сне). К тому за пояс сзади я хотел засунуть нагайку, которую прикрывала бы куртка, а в нужный момент, если противников окажется несколько и они будут вооружены ножами – нагайка мне поможет.

Пока я искал куртку – товарищи уехали. И вот снова сон во сне. Поляна. Мои товарищи стоят и ждут тех, кто видимо должен был приехать к ним на встречу. Товарищей моих двое. Среднего сложения, даже немного худощавые, лет 40-50, в светлой одежде (но не белой), они стоят так, что лицами обращены на поляну, куда должны приехать враги, за спинами товарищей ров с водой, а через ров лес. И вот неожиданно между рвом и лесом останавливаются три автомобиля, из которых выходят люди и расстреливают товарищей в спину из автоматов. После чего уезжают.

Помню, что я тогда сказал себе (во сне), что хорошо что там не было меня, потому что все равно бы ничего не смог сделать, а получил бы груды пуль. Получается, хорошо, что не поехал.

Но к чему тогда этот сон?

Глава 2

Мне, конечно, было непонятно многое, что происходило в этой жизни. Но я не отчаивался. Я стремился найти истину, и шел к ней немного быстрее, когда нащупывал какие-то удачные шаги продвижения. По пути следования, разумеется. Это радовало. Это придавало силы. Это настраивало на позитивный лад. От этого действительно становилось легче. А это видимо самое главное, когда вам легче. В душе. Когда душа ваша не скована какими-то нормами и правилами, а бежит вперед, придерживаясь лишь определенного ритма этого самого движения.

.....

Удивительно еще вот что. Я ведь никогда так уж по-настоящему не мучился от чего-то, происходящего со мной. Это может показаться загадочным, но я словно бы наслаждался моментом, доверяя происходящему, потому как считал что то, что случается с нами – так все и должно происходить; ибо это или в дар нам, или в наказание. Если в дар – скоро закончится. Если в наказание - закончится тоже; но именно через наказание следовало исцеление, поэтому получалось, что то, что происходило – было как бы уже необходимо. И полезно. Немного с опаской поначалу, но я все-таки принял со временем подобную точку зрения, и, убедив в этом себя – почувствовал облегчение.

Дальше пошло уже все словно по накатанной. Мне ведь и действительно стало легче. А значит, я мог позволить себе относиться ко всему, что уже, получается, могло бы со мной произойти, легче. Даже быть может – значительно легче. Ну а почему нет? Когда именно да.

Глава 3

Вообще, жизненные откровения входили в мою жизнь весьма и весьма постепенно и словно бы не спеша.

Почему так вышло? Ну, это вопрос философский. Видимо, всему свое время. Время собирать камни, и время разбрасывать. Но я и не торопился. Зачем? Всему свое время...

.....

Хорошо ли, когда любопытство берет вверх? Когда любопытство берет над нами вверх – значит вы как минимум любознательны. Любознательность – это уже шаг к постижению пути. Постижение пути – ведет к познанию истины. Ведь рано или поздно так случится. И это совсем даже неплохо. Если – не хорошо.

Почему нехорошо? Конечно же, хорошо. Даже может быть отлично.

Глава 4

Конечно, многое бывает непонятно в нашей жизни. Но вот главное ведь вовремя остановиться, задумавшись над тем, делаем ли правильно мы какие-то вещи. Благо, что и сам ход вещей бывает иной раз совсем непонятен для нас. Ну а почему нет? При этом, пожалуй, важно также понимать, к чему в итоге приведет нас все это. И вот тогда и правда самое разумное, быть может, остановиться, и даже может не только остановиться, а повернуть назад, чтобы вернуться к исходной точке – и идти обратно. И вот тогда у вас будет результат. Тогда быть может вообще у нас всех будет результат. Тот результат, который необходим каждому независимо ни от чего. Да будет так.

.....

Коварство любви на самом деле не существует, ибо на каком-то этапе жизненного естества я ей настолько пресытился, что вдруг понял главную тайну женщин. И как ни странно, тайна эта заключалась в сексе.

Все вроде как просто. Но на фоне вот такой вот кажущейся простоты, тем не менее, таилась великая загадка, ибо одно дело понимание, а другое дело физиология. Как раз физиология, то, что досталось каждому из нас от природы, чаще всего решала за людей что делать и как. Ведь только подумать, если вам другой человек безразличен в сексуальном плане – значит вы полностью свободны. Вами невозможно манипулировать. С вами вообще ничего невозможно сделать того, что вы не хотите. Если, понятно, это делает лицо противоположного пола.

Сейчас и далее я имею в виду все, что касается мужчины и в отношении мужчины – женщины. Сколько нервов, сил, совсем ненужных скандалов ушло на разгадку этой как вроде бы простой истины. Но вот и действительно ведь за истиной этой стояли десятилетия мужского рабства. Когда вы попросту должны идти на поводу женщины, потому что в ином случае вам откажут в сексе.

Да и черт с ним!— хотел бы я чтобы все воскликнули. Черт с ним с женщиной, ибо можно вполне свободно и легально заниматься лечебной мастурбацией. Да, опорожнять содержание своих яичек надо, это залог здоровья. Но самим яичкам все равно, куда изливается семенная жидкость – в вагину, в рот, в попу, в руку, на тело, вообще все равно! И это очень важно понимать. А когда я это понял, то мне уже женщины стали не страшны, ибо на все их так называемое коварство - я уже смотрел сквозь пальцы, то есть безразлично, поверхностно, и без какого-то пиетета к самой женщине, как это было раньше, когда непременно нужно было до десяти раз в день обязательно переспать с женщиной, ибо в ином случае казалось что-то не то. Может, старею? Но ведь именно с возрастом приходит мудрость. Так значит элементарная мудрость заключается в элементарном, когда ты просто начинаешь понимать, что как таковая женщина тебе не нужна. А домработницу и кухарку можно взять на работу как раз в роли домработницы или кухарки. А если уж совсем прижмет (ну вдруг)- то вызвать и проститутку. Так вот.

Глава 5

Вот удивительное казалось бы дело. Как-то в последнее время совсем ушел сон. Нет, он-то есть, конечно. Но этакий скоротечный, то есть совсем-совсем недолгий. Но со сновидениями.

Сновидения захватывающие и намного интереснее любой книги или фильма. Причем совсем как будто не отображают жизнь, происходящую в реальности. Но не от того, что жизнь в реальности краше или скучнее, совсем нет. В снах моя жизнь попросту другая.

Не сказать что меня пугало то, что я практически перестал спать. Нет, не пугало. Но как-то особенно и не забавляло. Я словно ученый, который проводит эксперимент, просто наблюдал, что будет дальше. Причем, если поначалу думал что подобное состояние мое временное, то по прошествии сначала нескольких дней, потом недель, месяцев, и наконец лет – понял что новое для меня состояние уже скорее естественное.

Конечно же, это все несло в себе огромнейшие преимущества. Во-первых, высвобождалось огромное количество времени. Я мог поистине творить, не обращая внимание на количество часов в сутках, ибо эти самые сутки удивительным образом расширились для меня самым загадочным образом.

Я переделал уйму дел. Я открыл для себя новые перспективы развития, и буквально наслаждался моментом вечности. А в вечности любой момент может длиться намного дольше, чем обычная человеческая жизнь. Да и я не спешил. Вернее нет, я, конечно же, спешил. Я всегда стремился вместить в одну минуту как минимум несколько. Мне надо было многое успеть в этой жизни. Причем, пожалуй, если бы меня спросили: почему, я бы даже не нашел что сказать, ибо

сказать об этом двумя словами не хотелось, а переводить ответ в целое выступление считал не совсем правильным. Но я спешил. Я и правда спешил. Никто ведь не знает, сколько нам осталось...

Глава 6

В моей жизни всегда было много женщин. Они занимали меня, вдохновляли, давали мне возможность жить уже самым нахождением рядом. И еще женщины давали мне продолжение моей жизни, такую зарядку энергией, подключением к вселенскому разуму.

Раньше я, помнится, давал даже женщинам оценку. Со временем (с возрастом?) понял, что это не правильно. На каждом моем жизненном этапе мне доставалась та женщина, которая мне была на том этапе необходима. Это вообще, как оказалось, довольно простая истина: рядом с вами всегда будет тот человек, которого вы достойны.

Поэтому совсем нельзя сетовать на человека, идущего по жизни вместе с вами. Уж он-то точно ни в чем не виноват. Да и никто не виноват. Понятия вины тут вообще должно исключаться уже изначально, ибо... (читай выше).

.....

Наверное также обстоит с друзьями и товарищами (по привычке я разделял эти понятия, хотя и со временем подобная грань стиралась; видимо сказывалась моя замкнутость характера при всеобщей публичности). Так вот. На определенном этапе всегда рядом с вами будут те люди, которых вы заслуживаете. Единственно, друзья все-таки задерживаются намного дольше, чем жены. Наверное потому, что вас, по большому счету, ничего не связывает кроме общности интересов. Схожих интересов к жизни.

.....

И все-таки с женщинами, конечно же, было все иначе. Когда я жил с ними, мне казалось, что я должен был поступать именно так, как поступал. При этом иногда я отчего-то поступал не совсем хорошо и правильно, словно заранее делал то, что после будет вызывать во мне чувство вины.

Нехорошее это чувство. Вы словно все время кому-то что-то должны. Причем независимо от ваших поступков, стремящихся после (к сожалению, обычно всегда «после») загладить вину, вы все равно оказываетесь виноватым в собственной душе. Причем виноваты - даже если не совершаете ничего такого предосудительного. Наверное так от того, что это именно я всегда расставался с женщинами. А если по каким-то причинам не мог этого сделать – вынуждал женщин уйти от меня. Чтобы тут же радостно (радость всегда преждевременна, но именно такая реакция обычно была всегда), так вот, чтобы после радостно про себя похлопать в ладоши, мол, отвязался.

Глупо. Со временем ничего кроме глупости уже не рождалось у меня после совершения подобного. И я стал предпочитать просто уходить. И не всегда это получалось сразу, ибо затягивалось порой на некий неопределенный срок. После которого конечно же все равно следовало расставание. Инициатором которого был всегда я. И вот поэтому видимо уже это вынуждало после и появляться чувству вины. Совесть, однако.

Глава 7

Я действительно брал от своих женщин лучшее. Знаете, ведь так получается, что независимо какие в вашей женщине существуют пороки (некоторые из которых вы даже неприемлите), в ней всегда есть то, чего у вас не было доселе. Характер, черты поведения, какие-то даже самые минимальные особенности, все шло в дело. Ибо на этом я учился. Постигал жизнь. Ведь успех и продвижение в жизни зависит от двух составляющих. Первое, это конечно ваш внутренний мир. Слова Сократа «Познай самого себя» в данном случае как нельзя лучше отражают вышесказанное. Второе – это наблюдения за другими людьми. Помимо наблюдения необходимо и словесное подтверждение тому или иному действию человека, за которым вы наблюдаете.

И таким образом оказывается, что вы вдруг на каком-то этапе замечаете, что невероятнейшим образом продвинулись вперед. А сюда же еще присовокупьте книги и кино, и перед вами появятся те три кита, на которых слагается ваш жизненный успех, ибо год в таком случае идет у вас уже, как минимум, за три. А может и больше (в зависимости от вашего воображения и умения анализировать действительность).

И вот таким образом получается, что спутницы жизни вам не только необходимы, но и через время их необходимо дополнять новыми. Иначе начнется стагнация.

Видимо этим и объяснялись мои многочисленные браки, разводы, и снова браки. И это та истина, которую понимаешь с годами. И не обвиняешь бездумно сам себя (ошибочно сожалеть о прошлом), а наоборот, найдя полное оправдание своим поступкам, понимаешь, что ничего менять не нужно. И только удивляешься тому, что каким-то бессознательным образом ты нашел ту истину, за которую в былые времена люди клали собственные жизни. ну уж нервы и здоровье точно.

Глава 8

До сих пор уверен, что сделаю когда-нибудь то, что решил еще многие годы, уже десятилетия, назад. Несмотря на то, что через какое-то время жизни судьба меня разводила с моими женщинами (по моей вине, к сожалению, ибо не ушел бы – до сих пор бы жил в первом браке из десятка последующих), так вот, несмотря на то, что судьба меня действительно разводила – я очень помню то, что я взял от каждой из своих женщин. А потому и решил когда-то давно, что как только представится (а она представится!) такая возможность – обязательно каждой из своих бывших жен,

независимо от того с кем они стали жить после, обеспечу уверенное финансовое благосостояние. В благодарность.

.....

Но, конечно же, не все было так просто. Да и, если разобраться, сама судьба меня разводила. Ибо, по сути, если бы так было угодно свыше – жил бы я до сих пор с кем-нибудь из своих первых женщин. Правда, тогда бы я не стал самим собой. То есть тем, кто я сейчас. А значит... А значит мне это было не нужно. Я ведь шел и продолжаю идти по тому пути, который выбрал сам. И это главное.

Глава 9

Долго думал над тем, что, по сути, полную мою биографию так никто и не знает.

В жизни происходило так много моментов, что, по сути, даже та часть, что стала известна – и ее хватает более чем. Но ведь есть еще! Когда-нибудь видимо расскажу и ее, эту оставшуюся часть.

.....

Я вот думал иногда, почему зачастую оказывается так, что приходится волей судьбы молчать тогда, когда просится что-то явное из тебя? И всякий раз приходил к единой мысли: молчать сейчас приходится, потому что не пришло еще время. Более того. Когда придет это самое время – никто не знает. Очень хочется успеть сказать до того момента пока жив. Ведь недосказанность всегда рождает нечто не нужное и, зачастую, оказывается, что не правильное.

И тогда уже понимается, что молчание было скорей всего неоправданным. Что надо было говорить. Надо было даже может быть восклицать, всячески обращать на себя внимание этой вот правдой. Но вот насколько я могу быть прав сейчас?

Самое печальное, что как раз сейчас – я этого не знаю. Вот ведь в чем секрет истины.

.....

В жизни мы всегда ищем истину. Иной раз находим. Чаще всего понимаем, что истина это уже устарела, и нам необходимо идти дальше. Получается, рано или поздно вновь находим истину. А если эта истина тоже устарела?

И тогда получается бесконечный бег времени. И в процессе такого бега мы окончательно запутываемся во всем. А значит перед нами вновь пустота. Которая манит своим безбрежием. И, наверное, безразличием. Ведь когда человек теряет надежду, ему уже все равно. Обидно, но это так. Так сказать, свойство, специфика, психики – ограждать себя от ненужных разочарований. Чтобы жить. Ибо если человек во всем разуверится, ему уже и жизнь будет не нужна. Так-то вот...

Глава 10

Иной раз мне приходилось очень тяжело. Внутреннее естество буквально изнутри разрывало меня. Душе хотелось настоящего праздника, мозг отказывался воспринимать действительность, а нервы играли такие оркестровые мелодии из нереализованных и только предполагаемых к осуществлению желаний, что поистине я не знал, что мне делать.

В такое время мне приходилось на самом деле трудно.

Да, я находил выходы. Всякий раз, замечая в себе начало чего-то подобного, я находил способы избавления от подобного конгломерата страсти, фантазий и реальности. Вернее даже, на внутреннее «Я» вдруг накладывалась эта самая страсть, гибнущая в потоке желаний. И тогда мне приходилось применять все меры, иной раз не совсем привычные большинству, с единственной целью: подобную страсть усмирить.

Скажу сразу для тех кто может не правильно меня понял. Отношение страсти и секса в данном случае не просматривалось. Ну, или если точнее, страсть – это переизбыток внутренней энергии. Фрейд считал, что это от нереализованного либидо. Как бы то ни было, снимал я эту страсть сексом. С другими или с самим собой (ибо промедление смерти подобно), но мне удавалось заглушить собственное безумие, вырывавшееся у меня из под сознания. Заглушив – я мог на время успокоиться и заняться какими-нибудь делами. Очень часто наряду с сексом приходилось применять и спасение путем употребления алкоголя. То, что я был на верном пути, доказывало что легкое опьянение наступало у меня только бутылки водки. Если я опаздывал купировать начало внутреннего безумия – одной бутылки уже было мало. Требовалось две. Иногда две с половиной. Максимальное количество, сколько я выпил за раз, как-то было 2 литра водки. После этого пошел купаться. (Дело было на море, ночью, перед этим я был очень сильно зол на что-то). После купания я протрезвел. И до утра сидел, потягивал пиво, сидя на берегу и уставясь куда-то вдаль за морской горизонт. Но подобное случалось редко. Ни разу в жизни у меня не было похмелья, поэтому независимо от выпитого накануне на другой день я мог как пить так и не пить. Я до сих пор уверен, что алкоголь попросту не имеет права управлять вами. Управлять жизнью должны вы. А алкоголь это всего лишь часть этой жизни. Такая же часть, как и женщины. Притом что по большому счету, женщины вам нужны только для одного: для изливания в них семени. Впрочем, как я уже заметил, если поблизости не было доступной женщины – семя можно было изливать в пустоту. Занимаясь так сказать лечебной мастурбацией. Это правильно и полезно, ибо нельзя чтобы семенная жидкость застаивалась в яичках. Но это так, к слову.

.....

Знаете, мне ведь потребовалось прожить определенную часть жизни, пройти в ней пути, наверняка не свойственные большинству, прежде чем я понял простую истину: ни в коем случае нельзя себя винить за какие-то твои собственные поступки. Это вот очень важно. Ведь как у

честного человека. Совершил что-то, а после начинается этакое самоедство. Этого нельзя допускать. Ни в коем случае нельзя, иначе начнется саморазрушение личности, а стоит кому-то из нас, человек, отказаться от себя – и наступят неотвратимые последствия, суть коих в итоге – саморазрушение личности. Задумайтесь над этим.

Ну и понятно, что я пришел к вышеизложенной истине не сразу. Да, я о ней всегда знал. Все-таки видимо кто-то до меня уже доходил до нее, разве что образ того кто это сделал для меня сейчас размыт, а оттого поостерегусь предполагать, ибо могу случайно наделить не того человека дополнительными качествами этакого провидца.

Но вот тот факт, что даже несмотря на то что я об этом знал, я тем не менее шел к этому пути долго и методично, все это словно говорит о том, что мне и вправду надо было пройти этот путь. Да, нелегкий, да, иной раз очень даже мучительный, но без него – не сформировалось бы у меня в голове истина, а значит я бы ей, возникни она, просто бы не поверил. Так вот.

А еще я хочу сказать, что в мире нашем любят и выделяют людей, выбивающихся своими поступками за рамки вседозволенного поведения в рамках социального бытия. В советском кино зрители чаще всего симпатизировали преступникам, потому что играли их характерные актеры (один Гафт чего стоил!). В наше время уже все-таки немного не то, ибо размыты границы дозволенного. Когда можно все и сразу – так уже не ценишь. Но это кино. В жизни же люди попросту дублировали собственное отношение к кино, и оттого всегда возникал интерес не к тому, кто очень такой уж правильный, а кто смелый. И своими смелыми поступками идет напролом, за справедливость, разумеется. Всегда за справедливость, ибо те, кто совершал правонарушения ради личной выгоды и корысти традиционно вызывают отвержение у народа.

Глава 11

Несмотря на мое как будто бы возникшее «понимание мира», подобное, конечно же, все равно остается тайной за семью печатями. То есть да, на какое-то время тайна словно приоткрывается, но после, как говорится, кто не успел, тот опоздал. А значит, приходится все начинать сначала. Ну да бывает, скажете вы, и будете правы. Как прав и я, иногда позволяющий себе сокрушаться об этом. Ну да действительно бывает...

.....

Вот что я еще понял за прошедшие годы. Мир устроен таким образом, что ему совсем все равно ваше мнение о нем. А если такое мнение у вас есть, то это все исключительно ваше восприятие бытия. То есть – все надуманно и выдуманно исключительно вами. Это очень важно

понимать. И продолжать идти вперед, поставив перед собой цели, к которым надо стремиться. Иного не дано.

Глава 12

С годами все-таки еще больше проявилась моя склонность к одиночеству. Причем одиночество у меня всегда было условно. Как говорил когда-то Сергей Довлатов, я хочу быть один – но рядом с кем-то. Вот так и у меня. Я мало лет своей жизни был по-настоящему один. Всегда со мной кто-то жил. Какие они были, эти девы, я наверное напишу все-таки отдельно и в другой раз. А сейчас... сейчас я просто скажу о том, что если у вас также как у меня, то значит жизнь вас формирует таким вот образом. И получается, что вы уже не можете иначе. Это надо понимать.

.....

Удивительно, но с возрастом я стал иначе относиться к тем моментам жизни, которые для всех других остаются неизблемыми всю жизнь. Пример? Очень просто. Скажем, если раньше в общении с кем-либо из старых знакомых, знающих меня десять лет и более, я старался соответствовать их представлениям обо мне, то сейчас вдруг стал совсем иным. И даже ни чуть ли совсем противоположным себе бывшему. Многих это поначалу шокировало, но разве можно нарушить истину? Я и не нарушал.

Кстати, какой-то процент моих знакомых принимал меня таким. Так я их ведь тоже проверял. Значит истинные друзья.

.....

Иногда мне казалось что все, что выдумал я когда-то, на самом деле самая что ни на есть реальная жизнь. И что поистине удивительное – этой жизнью живут люди. Абсурд? Как сказать...

Глава 13

Любопытна моя история с алкоголем. Видимо по какому-то высшему разумению, мне был всажен ген абсолютнейшего расщепления алкоголя. Судите сами. Чтобы не то что мало-мальски опьянеть, а лишь почувствовать что выпил – я должен выпить не менее литра водки или полутора литров коньяка или семи литров пива. Похмелья не бывало еще ни разу за мою жизнь. Более того, на другой день после моих обычных возлияний (а это, как правило, две-три бутылки коньяка, после которых часа полтора еще читаю книгу или что-то пишу, ибо иначе не уснуть) я спокойно бегу на утреннюю пробежку. Действительно, парадоксально-уникальный организм. Один раз я выпил пять литров водки (десять бутылок). А утром проснулся как обычно и пошел на утреннюю пробежку.

Да, пью я в 99 процентов случаев исключительно один, и, к сожалению, должен пить всегда, ибо это моя жизнь. В ином случае – какая-то глупая необъемная тоска. Такие дела.

.....

Иногда я вообще не пью. Однако это совсем не значит, что тогда я не погружаюсь вглубь себя. Вообще, алкоголь, это способ погружения в подсознание, и не более. Я никогда не вкладывал в употребление алкоголя какой-то иной направленности. Незачем.

Вообще, если разобраться, у меня и действительно всегда был какой-то иной, отличный от других, и исключительно свой взгляд на окружающий мир. То, что мне иногда хотелось, чтобы этого мира не было – наверное, также стоит где-то здесь, рядом с моим пониманием, или лучше сказать – с моим видением жизни. Из песни слов не выбросишь. И уже тогда... и уже тогда я правда другой. А какой – пытаюсь разобраться всю. Свою жизнь. И очень надеюсь, что жизни все-таки хватит.

Глава 14

Как ни странно, я понимал, что моя жизнь незримо подчинена определенным правилам. Одно из которых, помимо неперменной творческой деятельности и физических нагрузок – употребление алкоголя. Я как бы понимал, что без этого попросту никак. В отличие от большинства людей у меня не было той так ожидаемой реакции на алкоголь, какая встречается у большинства. Например я ни разу в жизни не испытывал похмелья, хотя дозы выпитого были всегда значительными. Бутылка водки или виски (коньяка) в день – это обычное правило (понятно, что не только в день, но и каждый день). Исходя из того что пьянеть я начинал от двух-трех бутылок (только пьянеть, выпить мог 4-5 бутылок водки), бутылка для меня было сродни чем-то 50-100 граммам для обычного человека. Я не хваюсь, упаси Бог. Просто желаю быть лучше понятным. Ибо если вдруг не дай Бог у кого-то возникнет желание в чем-то осудить меня (хотя – не судите, да не судимы будете), то чтобы вы оперировали фактами, а не домыслами.

Понятно, что алкоголь в таком случае служил как лекарство. В минуты, когда накатывала тоска, и не оставалось сил чтобы жить – он как никто другой приходил на помощь. Появлялись какие-то мысли, и я с наслаждением занимался их анализом. А значит проходило время, и я мог надеяться, что новый день откроется для меня какими-то новыми, долгожданнами перспективами. Так было легче. Так было спокойнее. Так было даже единственно возможно. Такая жизнь.

Глава 15

Иной раз жизнь удивительным образом отвлекает и уводит в сторону. Понятно, что не сама жизнь. Как жизнь может уводить, в ней ведь надо просто – жить. А вот уводит... Уводит скорее ваше какое-то загадочное восприятие бытия. Когда вы вроде как и находитесь в реальности, а при этом все больше и больше отдаляетесь куда-то в сторону.

Но рано или поздно все равно приходится возвращаться. И тогда... И тогда ваша жизнь или идет своим чередом (ибо не так просто бывает что-то изменить), или же все-таки изменяется. И тогда... Тогда начинается все по новому. А бывает даже становится намного интереснее, чем было раньше.

Причем, к такого рода «интересу», пожалуй, можно отнести и мой интерес к различного рода экспериментам.

Я всегда ратовал за преодоление себя. За подчинение плоти – духу. Мы же не животные. Это у них – инстинкты. И мысли лишь об удовлетворении естественных надобностей: пожрать, посп...ть, поебаться. У нас, людей, должно быть не так.

И потому я всегда легко пускался в различного рода эксперименты. Одним из которых – было голодание. Другим – физические упражнения до изнеможения (по пять часов за раз). Еще одним – постоянный труд. Не по 8 часов, а по 20 часов в сутки. Короткий сон, стакан кипятка, кусок хлеба, ломоть варенной говядины, горсть риса, и снова в путь.

Могу сказать, что и действительно, за годы собственного бытия я вполне научился управлять собственным организмом. Главное правило, повторю еще раз, любую команду мозга организм должен выполнять беспрекословно и полностью подчиняться. Полностью! И это касается всего. Секс – запланировал пять часов кряду без отдыха - значит пять часов. Партнерши могут меняться, это да. Женщины не все выносливые. Но я оставался на передовой и как отбойный молоток продавливал насквозь их рты, пизды и попы. Они стонали, кончали, откатывались в сторону, их место занимали их подруги – и все продолжалось! Как по новой!

Особенно меня как-то впечатлила Сусанна. Даже по имени она уже была словно предназначена чтобы сосать. И сосала! Но любила еще больше анальный секс. Попка у Сусанны всегда была чистенькая, упругая, накаченная – и словно туда были вставлены батарейки, ибо стоило только вашему члену войти в Сусанну – как она начинало отписывать своей попой такую ламбаду, что только держись, дабы не кончить. Притом что с ней и кончать можно было! Ибо тотчас же от вида ее ваш член вновь набухал, и тогда вы набрасывались и ебали Сусанну с новым остервенением!

Глава 16

Удивительное вот качество приходится открывать в себе. Откуда такая ностальгия к прошлому. Вот прям чуть ли не возьми и падай. И отчего-то кажется, что прошлое всегда лучше. И что даже события года назад – всегда лучше, чем сейчас. Да, если, разумеется, у вас меняется картинка бытия. Ну, например, вы переезжаете в другой город, или хотя бы в другой район в рамках одного города. Или, например, женитесь или выходите замуж. Эта человеческая черта – ностальгировать о прошлом – меня все время как-то удручала. Ну ладно я с этим научился справляться, а как другие. Вдруг совершат ошибку и забудут что «в одну реку – не вступить дважды».

При этом ведь от ностальгии не так-то легко было избавиться. Разве что, как я понял, директивным способом. Тот есть – прямым запретом самому себе перестать жить в прошлом (или будущем), и начать жить в настоящем. Да так даже и лучше. Меньше расстройств. А то что придет сейчас – уж всяк окажется менее травматичным, нежели чем возможное будущее или искаженное нашим воспоминанием прошлое. Искаженное – потому что психике человека всегда свойственно искажать любую реальность. А уж то, что было в прошлом и подавно. Человек как бы представляет самое хорошее. Забывая то плохое что с ним было. И это очень важно понимать. Это так. От этого никуда ни деться. Это если хотите – одна из причин в том числе и развития эволюционного процесса. Движения вперед. Иначе, если бы помнили один негатив, что получилось бы? Хаос. А помимо хаоса – еще и не особенное стремление людей что-то менять в своей жизни и идти в будущее. Так бы навечно и остались кто в настоящем а кто и ушел бы в небытие, либо покончил жизнь самоубийством. Хотя и заканчивают так много очень. Данные всегда засекречены, но могу сказать, что это намного больше чем вам кажется. И намного больше, чем гибнет на дорогах. Сколько гибнет людей на дорогах – это открытые данные. Их лишь чуть-чуть занижают. Но вот отталкиваясь от них – вы можете понимать, сколько на самом деле убивает себя. Смерть на дорогах случайна, по дурости зачастую одной из сторон (ехали бы все 5 км/ч аварий бы не было. Или они были бы не смертельны. Так вот, смерть на дорогах – случайна и внезапна. Смерть самоубийством – всегда запрограммирована. Или сознанием – или подсознанием. Это важно понимать. Потому что все происходит не здесь и сейчас. Это только у сумасшедших может быть такое, но таких психов держат в стационаре. А обычно это люди такие же как мы с вами. Просто слабее в чем-то. А кто-то и сильнее, раз решился. Но важно решиться не от отчаяния, от безысходности, и поддавшись порыву – сделать это. Нет. Если уж решились, то, как говориться, в трезвом уме и здравой памяти. Помнится, моя мама в детстве обратила пример на один такой случай. Офицер. Понял что все дальше бесполезно. Налил рюмку. Выпил. Вымыл рюмку, протер и поставил обратно на полку. А коньяк (или что там он пил) на свое место. После этого достал пистолет, поставил к виску, и застрелился. Да, при этом в костюме, перед этим душ и бритве. В общем, все как полагается. Вот тогда да. Это уже другое дело. Никто не скажет что отчаянный поступок, то есть отчаянный в плане

от отчаяния (отчаяние в том смысле, что как бы не обдуманно). Нет. Здесь все четко и благородно. Ну это так, к слову. Хотя если я когда-то решу уйти из жизни, знаю уже с детства что уйду также.

Часть 4. На пути к осознанию

Глава 1

Пожалуй, я мог признаться себе, что запутался. Так или иначе, но впереди каждого человека, как бы путеводной звездой его, должен быть какой-то особый стержень, который наверняка вел бы его вперед. И это было бы чрезвычайно правильно. Правильно настолько, что не позволяло останавливаться на достигнутом. Да и еще, пожалуй, помогало бы двигаться быстрее. А при случае (необходимость в таких случаях иной раз возникает) – двигаться назад.

Я задумался. В последний раз мне приходилось думать много. Так или иначе, но никакой прежней любви к Эльвире уже не было и не могло быть. Да я и расстался с ней. Вернее, я с ней расставался, не в силах смириться с одиночеством без нее. Есть такое одиночество. Вы можете в этот момент находиться с кем-то, можете даже строить планы на жизнь, да и, пожалуй, жить этой жизнью, но внутри вас тихо тлеет боль. И ничего не может быть страшнее этой боли, потому что это одновременно и боль одиночества, и боль сомнений, и боль тревог за будущее, и боль отчаяния за прошлое. Это страшное чувство. Одновременно в нем объединены и чувство вины и осознание нелепости пути, и загадка мироздания. Последнее вообще сбивает с ритма, унося в даль неизвестности. Неизвестности, отчаяния, и какой-то нелепости. Нелепости, граничащей с непосредственностью. А может даже и с серьезной ошибкой. Вернее, осознание такой ошибки нет-нет да и всплывает перед вами, и тогда становится понятно что впереди еще ничего не определено; что впереди вас может даже пустота. Пустота и отчаяние. Хотя и вы должны двигаться вперед. Просто потому, что это делать необходимо.

.....

Странное это было ощущение. С одной стороны вы вроде как четко понимали, что должны делать, а с другой на вас вдруг накатывала такая бездна отчаяния, что вы вдруг четко осознавали, что запутались. Да и запутались настолько, что какого-то четкого пути впереди вас нет. Пустота? Может даже и не совсем пустота, или пустота не в том понимании как виделась она вам раньше, но вполне верно, что ваше понимание действительности очень даже оказывалось размытым. А все, что было или могло быть? Ну, тут я не знаю. Какого-то четкого ответа видимо попросту не существовало. Иначе я бы его нашел. Я все время что-то находил. И в том числе я всегда находил истину. При этом, по нахождению, она казалась мне чем-то до боли знакомым, наверняка даже близким. Да, пожалуй, и не могло быть как-то иначе. Так уж выходило.

.....

Так выходило, что я снова запутался. С одной стороны я по-прежнему влюблялся и даже любил (крепко, отчаянно, иной раз беззаветно), а с другой – чувствовал что это для меня быть может и не нужно. А то и опасно. Хотя, почему опасно?

Часто я задавал себе подобный вопрос. Нет-нет, да возникал он, когда я начинал размышлять (размышлять все равно о чем), возникал в периоды откровенного отчаяния, или безумия, или сумасшествия. Последнее иногда накатывало как волна, и мне приходилось собирать всю волю в кулак, дабы удержаться в пределах нормы. Хотя, норма или патология, границы этого давно уже казались мне размытыми. Да видимо и не только мне. Тысячи врачей психотерапевтов давно смирились с осознанием шаткости мироздания. Но, то ли творец настолько все запутал, то ли люди перевернули жизнь, но так выходило, что в какой-то момент вдруг не стало осознания чего-то четкого и настоящего. А впереди... впереди оказалась пустота. Пустота, безысходность, сомнения... Наверное так.

Глава 2

Проходило время. Могу сказать, что именно время играло в моем романе весьма существенную роль. Понял я это не сразу. Когда у нас только начинались отношения, вернее, когда они начинались у меня (почему у меня, а не у нее – объясню позже), я по привычке относился к времени как относится большинство людей: то есть никак. И позже, я не обращая внимания на что-то, продолжало как бы просто жить. Или точнее – существовать. И здесь надо четко отдавать отчет, ибо существовать в данном случае означало не влачить жалкое существование, а жить как бы не замечая что вокруг происходит нечто существенное; а даже может наоборот, полагать (искреннее полагать) что ничего не происходит. Что все что случается – словно случайно. Что все это не взаправду, а понарошку. И вот так жить.

Что это за жить? Пожалуй, трудно, а то и невозможно сказать. И что уж точно – туман от этого в голове и пустота на душе. А как иначе? Запутался человек. Запутался.

.....

Я сам понимал, что такую любовь должен заканчивать. Во что она могла еще вылиться, как в не дальнейший рост страданий и вообще, чего-то неизвестного, может даже неизведанного. Печально, но я не знал ответа. А ведь мне казалось, что я так много знал. Много. Много? Да существует ли человек, который знает много? Разве не тут же, как он провозгласит себя таким, в поле его видимости появится человек, который знает не только не меньше, но и покажется что

намного больше. И это так. И это тоже одна из загадок мироздания, а на самом деле – всего лишь человеческая природа. Природа психики индивида.

.....

Я понимал, что начинаю очень серьезно запутываться. Так выходило, что с одной стороны, у меня не было любви к Эльвире, с другой – такая любовь вдруг (словно ни с того ни с сего) вспыхивала сама; и выходило так, что появлялась она словно ни от куда, но ведь с другой стороны, и не могло быть никакого иного варианта чтобы не возникала она. Она и возникала. А я... а я, в зависимости от отношений с Эльвирой за день-два до этого, или делал шаг навстречу к ней, или старался не замечать (если, например, до этого она меня уж очень сильно обидела), или же невзирая ни на что – бежал навстречу своей любви. И такие минуты были самые прекрасные. И в такое время мне уже совсем даже ничего было неважно, кроме как продолжения наслаждения собственными чувствами, наслаждения жизнью, получения удовольствий от этой жизни, когда вам и правда – совсем не надо ничего другого.

Глава 3

В один из дней я стал допускать, что наши отношения весьма затянулись. Не сказать что я считал, что в любви должны быть какие-то сроки. Нет. Конечно же, нет. Но мне очень хотелось, чтобы сама по себе любовь постепенно материализовалась во что-то существенное. Важное. Необходимое. Быть может даже полезное.

Может ли быть польза от любви?— задумался я. За раздумьями меня и нашла Оксана, молодая стройная, вполне симпатичная девушка, с которой я познакомился на одной из вечеринок у своих друзей (друзей было немного, но они вдруг дружно стали не только приглашать меня на вечеринки к себе домой, но и также неожиданно для меня знакомить там меня с разными девушками).

Оксане было 27 лет, как я уже написал, она была стройненькая, и активно пользовалась этим, нося очень облегающую одежду. Одежда на ее теле походила на облегающую одежду пловца подводного плавания. Когда у вас вроде как закрыты руки-ноги-тело – то оно все настолько обтянуло, словно вас обвязали целованном.

У Оксаны были черные длинные волосы (в сравнении с блондинкой Эльвирой это был приятный контраст); кроме того она представляла собой человека, который казалось жил – только для того чтобы жили вы. И это было так. И это было удивительно. И это было приятно.

И у меня такого раньше не было. Я четко вспомнил Элю. Эля жила скорее для себя. Все вокруг она подчиняла себе, своему вниманию, при желании она сводила с ума любого, а после также просто с ним расставалась. Но если у Эли не было никаких принципов, то вот Оксана была не

такая. Несмотря на то что Оксана работала журналисткой (почти патологическая предрасположенность журналистов к вранью стала притчей во языцех), она была достаточно честная. Ну, или что более точнее – справедливая. Причем как она могла жить с такой справедливостью, иной раз задавался вопросом и я. Но ведь факт. И она жила. Причем не только жила, но и любила, и страдала, и всяким различным образом выражала свои эмоции. И это находило (почти всегда находило) ответный отклик в моей душе. Отчего хотелось, чтобы эта девушка стала еще счастливее.

.....

Я научил Оксану заниматься любовью. Вернее, любить это дело. Как ни странно, при всей сексуальности ее фигуры, в постели она терялась и совсем не знала что ей делать. Банальное лечь и раздвинуть ноги (как делает большинство женщин, а часть из них при этом еще постанывает) Оксану не устраивало. Всякий раз она просила чего-нибудь новенького да оригинальненького. Я, было, поддался на это. А после мне надоело. И я просто – тупо можно сказать – разворачивал Оксану к себе спиной, клал ее на стол, оголял попу, вставлял член, и трахал. Дико и сильно, с огромными толчками врываясь в ее анус, и вызывая в девушке взрывы счастья, выражающегося в смеси плача, всхлипа, крика, стоны, слов благодарности, и просьбы продолжать и не останавливаться.

Совсем скоро наши отношения перешли на фазу сначала продолжения развития сексуальной близости, а после и настоящих сексуальных безумств. Когда ни она ни я уже не хотел и ничего иного, кроме как любить друг друга исключительно половой любовью. Когда почти совсем были не важны другие чувства. А все что хотелось – это продолжение траха.

И вот тут, вот тут как раз я вдруг понял, что именно такая форма моих отношений с Оксаной позволила мне, сопоставив их с моими отношениями с Эльвирой, понять, действительно понять дальнейшую перспективу их. Ведь и там эти отношения развивались также как и здесь. И там была изначально дикая страсть, которая после переросла в любовь, а значит в ревность и проч. Но вот задумался я, что на самом деле любви ни в одном ни в другом случае не было. Причем говоря о любви, я конечно же имею в виду любовь только в моем, каком-то особом, понимании. На самом деле любовь была. Конечно же была. Но вот выходило так, что влюбляясь, через время уже утихомиривались страсти. Могли если не переключиться на другое, то как-то замолкали что ли. Чтобы еще через время – вспыхнуть вновь. Или не вспыхнуть. Загадка.

.....

С Оксаной я расстался. Я расстался со всеми, потому что стал понимать, что должен жить один. Один, значит ни с кем. Это у Довлатова было несбывшееся желание одиночества со всеми,

мне же хотелось быть одному. Когда один – всегда спокойнее. Всегда надежней. Но вот возможно ли такое? В моем случае, когда сексуальная природа уже через миг попросит и для себя удовлетворения, быть совсем один невозможно. А так как та же природа подобного удовлетворения просит постоянно, то это означает, что и находиться одному достаточно сложно, а то и попросту невозможно. Мне, которому необходимо было чуть ли не по десять раз в день кончать, иначе случалась блокировка мозга и ходил, ничего не соображая, соответственно была нужна и партнерша. Причем постоянно и рядом. Поэтому совсем уж один быть я не мог. Не по мне подобное. Из-за чего фактически и обрекал себя на страдания. Ибо так выходило, что не было у меня иного выхода, кроме как все время строить отношения с кем-то. А потому и появлялись рядом со мной то Эльвиры то Оксаны, суть которых все равно одно и то же, потому что нужны они все для одного и того же, и если при этом еще и здоровая психика у них (что уже сложно), то тогда и жизнь могла быть с ними долгая и счастливая. Ну а так как с психикой действительно видел я большие затруднения, то и выходило так, что периодически вынужден был менять женщин. А что мне еще оставалось? Это было может даже единственное, чтобы не сойти с ума.

Глава 4

Я понимал, что должен заканчивать. Я не видел чего-то, что могло бы послужить необходимости продолжить мои отношения с женщинами. И в первую очередь с Эльвирой. Я искал но не находил ответа, отчего все что происходило мне казалось весьма печальным и совершенно не нужным. Но я и правда искал ответ. Мозг мой был так устроен, что попросту не мог смириться с ожидавшей меня неразгаданностью происходящего. Но я и правда не знал ответ.

Я вспомнил начало наших отношений. Тогда я понимал что запутался. В то время я прокручивал в голове различные сюжеты, пытаюсь добиться расположения этой женщины. Я искал, но не находил. Я запутывал себя, и тем самым не замечал, как обрекал на страдания других людей. Не было выхода, не было спасения. Во что бы то ни стало я поставил себе задачу завоевать ее, чем сделал быть может самую серьезную ошибку в своей жизни. Сейчас понятно, что я бы не совершил столько ошибок. Но, к сожалению, все это мы понимаем после. Когда происходят события, когда мы пребываем в гуще их, тогда наш мозг словно заволакивает пелена, во время которой не видишь ничего, а после раскаиваешься. Раскаиваешься искренне и глубоко. Раскаиваешься так, как только может раскаиваться человек, который осознает, что он потерял. Мы всегда теряем намного больше, чем находим. Всегда, всегда, всегда. Только сейчас я понимаю Набокова, который всю жизнь прожил с одной женщиной. До этого передо мной стоял пример Льва Толстого, сбежавшего в 90 лет от супруги, с которой устал жить. Да, он сбежал чуть ли не босиком и в ночной рубашке и умер на полустанке в ожидании лошадей. Но для меня все это время был важен сам поступок его, который отвечал на вопрос: стоит ли терпеть другого человека, если жить тебе с ним расхотелось. Я

выбирал позицию позднего Толстого, и не терпел. Теперь понял, что мне ближе была бы позиция Набокова. Но с другой стороны, смог бы я так? Почему доселе не смог? Загадка.

Такая загадка не имела реального разрешения. Мне было понятно что я запутался, и запутался весьма серьезно. Вот почему и сейчас, стоит только подумать обо всем этом, и накатывает грусть. «Грусть, тоска, не надо/ Разрывать сознание на куски», вспомнил я строчки из какого-то стихотворения близкого мне по духу автора. «Я не верю разлуке, не верю...», все из того же стихотворения. Разлука. Вот чего страшился я больше всего, и вот что мне поистине мешало. Мешало, ибо не только не давало покоя, но и пугало своей неизвестностью. Ведь мы всегда боимся чего-то неизвестного. В моем случае этот страх был непонятен с одной стороны, и весьма пугающе опасен с другой. При этом я боялся того, что сейчас жду если не с радостью, но уж точно с облегчением. А значит и радостью, ибо радость это ведь и правда облегчение. Облегчение собственного страдания. А когда такое страдание вся жизнь? А когда случается так, что уже некуда бежать? Когда ты замечаешь, что вдруг пребываешь в полном беспомоществе от безумия, которое натворил.

И нет выхода. И нет спасения. И с каждым разом погружаешься ты в бездну, из которой не можешь выбраться, потому что узки врата и все они ведут в ад. В библии чуть наоборот. «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф.7:13,14). Но чуть для меня не менялась, ибо находил я ужасным свое положение, и не знал как мне выбраться, спастись, воскреснуть.

Утопия, я хотел воскреснуть не умерев. Но вы поймете меня, когда представите себе что жизнь моя походила на сверхъестественные колебания, от которых не было спасения с одной стороны, и которые неизвестно чем заканчивались – с другой.

А посередине безумие.

.....

И я спасался от этого безумия, и не знал куда выведет выбранный мной путь; лишь только понимал что ни к чему хорошему, по сути, он не приведет, ибо ничто так просто не закончится.

Но по природе я был готов к этому. Поэтому сражался как мог с судьбой, не только не в силах смириться с поражением, но и не понимал как может быть иначе, ибо впереди ждала счастливая жизнь.

Как я ошибался! Мне еще только предстояло сделать эту жизнь счастливой. Для этого требовалось пройти множество испытаний. И окончания пути пока было не видно.

Глава 5

Сейчас я более чем когда понял - что должен заканчивать со своей любовью. Я даже мог сказать больше. Такая любовь, какая была свойственна мне, она как бы вообще была не нужна. И все потому, что несла в себе те огромные разрушительные последствия, к которым я попросту оказывался все время не готов. Да, это было странно, ибо за всю свою жизнь, казалось, я мог приспособиться. Но нет. Ничего не выходило. Ничего, потому что или такова была вообще судьба. Или, сам виноват, учитывая, что судьбы в какой-то мере все же делают люди, потому что жизнь подводит человека к чему-то, даже уберегает иной раз, но если человек намеренно скатывается в пропасть, тут уже говорить что руководит нами судьба – ошибочно.

Как бы то ни было я уже давно ждал разрешения. Да, я устал. Да, я истомился настолько в своих сначала ожиданиях, потом страданиях, но ведь и несмотря на то что я вроде как решил свой вопрос положительно, зааркавив Эльвиру и удерживая ее подле себя, все равно я чувствовал теперь что мне этого не надо. Я давно уже чувствовал это. Да, она не была сумасшедшей в сравнении с какими-то моими предыдущими девками, но она вдруг стала мне безразличной, я совсем ничего не мог с этим поделать.

Бывает же такое?! Теперь я удивлялся происходящему, а удивляясь, не знал как мне реагировать на все. Девушка оказалась в меня влюблена по уши. Я не знал что с этим делать. Потому что не только разлюбил ее, но не испытывал к ней никаких чувств.

Такое я замечал за собой и раньше. Не раз я ловил себя на мысли, что мне все равно с какой девушкой жить. Были только какие-то общие требования: чистая, в меру симпатичная, без явных физических изъянов. Ум или глупость, вес тела, объем груди, попы, бедер, губы, половая щель, цвет волос и проч. – оказывались вдруг важны постольку поскольку. Сказать даже правильнее, я не обращал на все эти характеристики какого-то внимания. А если бывало и говорил о важности их, то тут же забывал, ибо в душе мне и на самом деле было все равно.

Что мне больше всего хотелось от женщин и какая в моем представлении идеальная женщина? Это кукла. Она должна быть всегда готова оказать мне любые сексуальные услуги (ни на что не рассчитывая взамен), она должна быть всегда мягкая и податливая, она должна как робот мне во всем подчиняться, не высказывать ни единой просьбы или недовольства, полностью зависеть от меня и ждать пока я обращу на нее свое внимание. При этом внешне она должна быть привлекательна и сексуальна, не худая и не толстая, в меру высокая (с моим высоким ростом мне по плечо), в меру умная и не очень рассудительная, ну короче кукла. При этом не должна быть она излишне стройная, ибо стройность не так возбуждает, как полнота. Полнота женщины говорит о ее сексуальной доступности. Когда она полурастегивает халатик, и видна ее полная грудь, когда заметен пушок между ног, когда она раскрывает губы, с жадностью обхватывая ваш член, когда вы переворачиваете ее, слегка раздвигая ее ягодицы и входя в нее сзади. А она не сопротивляется, а извивается под вами и стонет в ответ. Когда она всегда готова исполнить вашу волю. Когда перед

вами не возникает и тени сомнений что перед вами самое преданное существо, которое боготворит вас. Вот так надо жить. Вот такого мне хотелось. Вот к этому в той или иной мере я стремился. И невозможно чтобы было как-то иначе, ибо иначе уже было не то. Не по мне. Не для меня.

Глава 6

Постепенно я уже понял, что не только совершил огромную ошибку, но и, по сути, мне никак не выбраться из пропасти, в которую погружал себя в течение жизни. Вся моя жизнь вдруг стала представлять собой сплошной каламбур. И все, что было славного в нем, так это я сам, сидевший во главе всей этой суматошной привязанности к каким-то женщинам, многих из которых я не помнил, кого-то забыл настолько, что стерлось даже воспоминание об их существовании. Тогда как хорошо было известно, что в годы нашей совместной жизни (пусть и краткосрочной) я страдал как заправский влюбленный.

Эх, где сейчас эти годы. Все прошло, все исчезло настолько, что все больше и больше чувствую себя стариком, прошедшим жизнь. Тогда как сама жизнь еще далеко не прожита, а все, что было... так у меня ли одного? Нет, не только у меня. Просто большинство людей предпочитает проживать жизнь скучную и однообразную. А я всегда стремился находиться в гуще событий. И живя... Вот именно – живя, а не проживая, так вот, и живя, я предпочитал не думать о том что происходило в какой-то конкретный момент, ибо уже знал что все это становится достоянием истории.

Глава 7

Однако мне не так просто было выпутаться от своей любви. Да, пытался (в последнее время все чаще). Да, наивно полагал что все получится, мне удастся. Но в том-то и дело что все мои действия были не иначе как сродни наивности. Ибо на самом деле ничего не удавалось. Что-то если и хотелось чтобы получилось, не получалось. Я словно был привязан к этой женщине. Да, Эля давно уже стала женщиной. Моя некогда наивность и сравнение ее с глупой девочкой ушло само по себе. Теперь она (в моем представлении) являла собой грозную волчицу. И не было иного пути, кроме как во что бы то ни стало попытаться выпутаться из этих пут. Ведь не сказать, что я не мог без нее. Годы страданий ушли и остались в прошлом безвозвратно. В душе я давно уже был один, и в какой-то мере наслаждался подобным.

.....

Можно было бы предположить, что в какой-то момент все может измениться. Но на самом деле, проходило время, а я все больше и больше понимал, что не только ничего не меняется, но я и сам бессознательно подменяю несвободу свободой. Да, так выходит что я не чувствовал семейного

тепла и счастья. Но только сейчас я с ужасом понял, что никто из нас и не пытался заводить семью. Она жила со мной и делала только то, что я хотел чтобы она делала (за небольшим исключением, конечно). Я же... Я же, по-видимому, делал то, что в тот момент было необходимо, что считал единственно верным и правильным. Но может ли родиться вследствие от этого семья? Сомневаюсь.

И тогда уже получается, что и весь роман мой проникнут не иначе как загадкой. А возможно ли разрешение ее? Сейчас затрудняюсь ответить.

Глава 8

Загадка разрешилась сама собой. Как известно, со временем проходят любые чувства. Тоже самое случилось и с нами. И вот удивительно, когда в полной мере пребываешь среди чувств и тех последствий, которые они несут в себе, как бы не замечаешь (да и не думаешь о том), что все недолговечно. Вообще в нашем мире ничего не бывает вечного. Сегодня вы можете считать этого человека самым лучшим на свете, а через десять лет и не вспомнить, как его зовут. Мир такой. Природа человека такая. И выдумывать различные аллюзии, дабы что-то попытаться противопоставить самому себе? Зачем?! Ни к чему это не приведет. Ничего от этого не изменится. Как, впрочем, ничего не случится нового, ибо все что может кому-то показаться новым, на самом деле уже было. А если было, как же смешно будут выглядеть в этом случае все ваши чувства да переживания. Ибо они попросту недолговечны.

.....

Когда я расстался с Элей (а я с ней все-таки расстался), у меня на душе стало сразу как-то легко и свободно. Только когда мы расстаемся, понимаем насколько нам, свободным людям, ненавистна кабала. И это так. И это правильно. А уж насколько верно!

Я радовался тому что происходило, и понимал что это и на самом деле самое искренне мое чувство за последнее время. Все, что было до этого, все эти непонятные мне сейчас (и кажущиеся нелепыми да смешными, или до смешного нелепыми) многочисленные действия, на самом деле великий бред, с которым приходилось жить, потому что не было ничего иного, кроме как пребывать в этом замке собственного полубезумия.

Но вот я свободен. Вот и я свободен. Мне наконец-то удалось высвободиться от плена полного безрассудства, с которым я жил все это время. Да и давно надо было развестись. По мне, брака как такового вообще не должно быть. Как и не быть отношений мужчин с женщинами (как не должно быть пидарасов и лесбиянок). Людям лучше будет, если они будут сами по себе, или в коллективе, без объединения в пары. Пары несут страдания, тревогу и в конце концов все пары распадаются. Сохраняются лишь те, которые держатся на обмане.

Многие любопытные мысли стали рождаться у меня после обретения свободы. Я понимал, что фактически очень большой кусок жизни прожит напрасно. Хотя и если бы не было его, наверняка мне пришлось бы проходить все эти пути вновь. Или прослыть недалеким человеком, ибо одно из важнейших качеств человека это умение приобретать жизненный опыт. Жизненный опыт помогает выживать. Жизненный опыт помогает не совершать когда-то совершенных ошибок. А если и совершать их, то уже выходить из опасных ситуаций намного мягче.

Да и что я мог еще сказать, пока находился в том эйфорическом состоянии, в котором пребывал уже второй месяц после нашего долгожданного развода. Ведь чем еще страшна молодость? Молодость страшна своей глупостью. Старость страшна маразмом (той же глупостью только сказанной с умным видом). Зрелость страшна морщинами и обвисшей кожей. Женщинам вообще тяжело. Поэтому лучше изначально, честно и открыто их избегать, ибо это будет на самом деле намного справедливее в т.ч. и по отношению к ним. И никак иначе.

Глава 9

«Любимая! Я так давно никому не только не говорил таких слов, но если и говорил когда-то, совсем не вкладывал тот смысл, который я адресую тебе.

Любимая! Когда я встретил тебя, вся моя жизнь пошла совсем по другому сценарию; причем я даже никогда не предполагал что это может быть так, просто потому, что так быть никогда не могло. Сам не знаю как я мог так влюбиться. По всему выходило уже давно (и я это решил вполне осознано, подойдя к вопросу чисто эмпирическим путем), что любви быть не должно, просто потому, что быть не может. Помнишь как в том высказывании (приписываемом то Тертуллиану, то Августину Блаженному): «Верую, ибо абсурдно». Перефразируя, я до встречи с тобой считал: «Люблю, ибо абсурдно». Да и какая могла быть любовь, когда, по сути, вся наша жизнь одно единственное страдание, карабканье то вверх, то паденье вниз. И бег по бездорожью.

Любимая моя. Только теперь я могу признаться: всю жизнь я ждал только тебя! Разом, в одночасье, ты вобрала в себя все то лучшее, что существовало на земле и понималось как чувства, любовь, привязанность, привычка, влюбленность, и далее, если продолжить ассоциативную цепочку: одиночество, разлука, стремление видеть любимую каждый день, горечь временных расставаний, случайная неуверенность, сомнений, если хочешь – глупость и беспокойство.

Любимая моя! Я так долго тебя ждал! Сейчас я могу признаться, что я шел к своей любви через мучительные боли осознания жесточайших реалий жизни; когда, несмотря на мучительную боль и нежелание продолжения жизни ты зачем-то еще живешь, видимо подсознательно надеясь на что-то прекрасное и радостное (и, конечно же, счастливое!) что должно произойти, но что не происходило, а даже как вроде бы наоборот, удаляется от тебя; отчего становится еще больней и мучительней.

Любимая моя! Я счастлив, что судьба все равно распорядилась по своему (несмотря на то, что я уже почти опустил руки, ожидая встретить свою любовь), и подарила нам счастье. Сейчас я могу сказать, что мы заслужили его. И ты и я прошли каждый по отдельности свой путь, и я часто думаю о том, что все, что происходило в этой жизни с нами, это лишь невольное (и еще одно!) свидетельство того, что должно было произойти после. Когда мы встретились и поняли что нам двоим уже не надо никого искать, что нам настолько хорошо вдвоем, что это и правда настоящее счастье быть вдвоем, то видимо тогда произошло то знамение, после чего я знаю что мы уже не расстанемся никогда! И это счастье! Счастье, которое вобрало в себя высшую степень проявления любви! Счастье, которое для каждого единственное, потому что оно у каждого свое. Ведь каждый понимает счастье по-разному. Когда-то ты мне написала про счастье. А я и тогда, и до этого, и теперь могу с уверенностью, положив руку на сердце и склонив голову, сказать: счастье, это когда ты рядом со мной. Счастье – это когда ты любишь меня. Счастье, это когда мы вместе!

Я люблю тебя! И очень верю, что твои чувства взаимны!»

Удивительно, но перечитывая старые письма (волей судьбы сохранившиеся), я недоумеваю, как же все так могло получиться, что, во-первых, я влюбился именно в эту девушку-женщину-принцессу, а во-вторых, как же быстро, как оказалось, ушли чувства. Ведь стоило только мне добиться своего, добиться победы, как после этого человек тот час же стал мне не интересен. Фактически безразличен. И я недоумевал как такое возможно. Но ведь возможно.

«Любимая! Эти дни разлуки с тобой убивают меня. Я знаю, что должен вынести это испытание. Я знаю, что дождусь твоей любви. Я знаю, что никогда и никого уже так не полюблю. Я знаю. Я всегда все знаю. Еще больше я знал до нашей встречи. Но я разберусь, милая моя. Я со всем разберусь. Прежде всего, я разберусь с тобой. Как больно... Выпил сейчас, и заныли мои раны... Но они ради тебя, поэтому это вроде как и счастливая боль. Все равно без тебя моя жизнь ничто, и мне в ней совсем ничего не нужно. Все, к чему я так стремился, все ушло безвозвратно. Только ты, только ты для меня все в этой жизни. Пусть я выдумал эту любовь. Но ведь и все что прошу – быть со мной. Если и убегать, то возвращаться. Если любить – то навсегда. И даже если обманывать меня, мне об этом не говорить. Ведь я люблю тебя. И хочу жить в той сказке, которую ты подарила мне, и которую я сам для себя выдумал.

Пусть я тебя выдумал. Иногда мне кажется, что это так. Но значит ли это что-нибудь перед тем, что такое любовь?! Ничего не значит. Ничего! Ничего.

Я очень люблю тебя. Я всегда буду тебя любить. Я просто могу себе это позволить, потому что в моей жизни было многое, причем не знаю сейчас что было больше: выдуманного или настоящего. Душа поэта будет воспоминания и выдуманные истории. Ведь в душе я все такой же,

как был всегда. Такой, какого меня никто не знает, и каким я видимо впервые за годы своей жизни предстал перед тобой. Только перед тобой. И никогда, ты слышишь, никогда я уже не буду другой, и совсем не хочу изменяться. Просто потому что люблю!

Я люблю тебя! И это правда».

На самом деле это, конечно же, не было правдой. Да и какая может быть правда, когда прошло всего немного времени, и я уже понял что совсем не люблю этого человека. И самое страшное, что он стал мне безразличен, перейдя в разряд каких-то совсем обыденных вещей, как-то дождь, туман, солнце. Тому, чему мы просто не можем по настоящему радоваться или на что злиться, потому что это происходит совсем без нашего ведома, а значит и будет безразлично мнение наше, ибо будет происходить точно также и после смерти уже нашей. Причем сама смерть нисколько не повлияет на происходящие события.

Это действительно страшно осознавать. Причем осознание такое как будто еще больше толкает нас в пропасть. Подчиняя какому-то своему, доселе неразгаданному ритму. И во когда все остановится (а когда-нибудь это все действительно остановится), тогда мне придется задумавшись в очередной раз над всем происходящим, забыть. Забыть – это, пожалуй, единственное, что еще может как-то нас спасти. Ибо иначе нет выхода, нет совсем, или нет почти совсем его, выхода. И от этого становится по-настоящему страшно, ибо... это жизнь.

Жизнь сама по себе очень жестокая штука. В каждом столетье всегда кто-то отмечает это, понимая, что все происходящее действительно ужасно. Ужасно настолько, насколько порой к нам ко всем приходит понимание начала конца. И это страшно.

Глава 10

Вообще загадочная штука жизнь. Так или иначе, но проживая ее, я понимал, что все еще только начинается. Что еще будут светлые дни, потому что то что сейчас, это полный мрак и беспорядок. Как любому человеку, в глубине души мне хотелось обновления. Хотелось начать все сначала. Хотелось прожить по-другому.

Но чем я становился старше, я понимал что ничего другого, по сути, невозможно. Невозможно потому, что нами управляет наша натура. Наш характер. Большею частью даже то, что передалось нам каким-то чудодейственным образом и от родителей, и от их родителей, и от родителей дедушек и бабушек. И тогда уже весь наш род так или иначе участвует в том великом процессе, который называется совершенствованием человека. Именно потому мы все разные. Именно потому еще мы разные, что с течением времени каждый из нас что-то привносит свое. То, что ведомо только ему. В этом процессе участвует и наше сознание, и то, что впитывается в течении жизни в подсознание. И таким образом становится понятно, что с течением времени

намешивается в нас все настолько сильно, что уже невозможно отличить, откуда берутся корни такого естества. Вот так вот.

.....

В одни из дней я понял, что сама по себе жизнь с Эльвирой уже не несет для меня той направленности, которая была вначале. Все удивительным образом менялось. Причем иной раз менялось настолько непредсказуемо, что почти невозможно было понять, что будет дальше. Все запутывалось как-то уж слишком невероятно. И если поначалу я еще думал, что мне удастся это распутать, я все-таки допускал что это невозможно. Невозможно, потому что в таких делах, прежде всего, необходимо понимать, что надо нам. А я не понимал. Нет, я конечно знал что мне надо, но все эти знания казались настолько неосознанными, что... В общем я запутался. И не ведал когда наступит понимание как выйти из ситуации.

Глава 11

Так плохо не было мне никогда. Я уже не только понимал что происходит, но и понимал, что не в силах этому противостоять. Казалось, мир остановился, и все мои мысли стали настолько запутанными, что я не в силах был что-то изменить. Меня словно бы взяли в тиски, из которых не было иного выхода, как или смириться, и делать вид, что ничего не происходит, или же разорвать гордиев узел. Всегда я предпочитал второе. Но сейчас все время что-то оттягивало мое расставание с Эльвирой. И ведь любви давно не было. Я даже путал ее имя с другими женскими именами. И не потому что у меня попутно был кто-то, нет, просто моя жизнь с этой женщиной была настолько однообразна и предсказуема, что попросту мне было скучно.

И при этом я не мог разорвать с ней отношения. Всякий раз, когда я был преисполнен решимости это сделать, что-то меня удерживало. И непонятно было что может заставить меня по-настоящему решиться.

Впрочем, решимостью я был преисполнен. И в который раз думал над тем, что схожая ситуация постоянно повторялась. Я видимо совсем не мог изменить себя. Был и оставался такой, как есть. Сначала вспышка чувств, потом все надоедало, и я начинал планомерную и методичную работу по отбиванию любви ко мне. После играл, то приближал, то удалял. В итоге находил кого-то другого и расставался. Но вот сейчас что-то меня удерживало от повторения таких сценариев. Видимо оказывалось так, что я понимал, что все время идет одно и то же повторение. А это повторение ох как сильно мне надоедало.

.....

И ведь что самое интересное. Несмотря на то, что проходило время, я все также вспоминал свои прошлые ошибки. Ошибки, совершенные когда-то. Жизнь такая штука, что всякий раз, когда ты думаешь что достиг в ней какого-то подобия совершенства, находится нечто, что отбрасывает тебя назад. Таким «нечто» в моей жизни было мое прошлое. До встречи с Эльвирой я жил с другими женщинами. Только сейчас, когда возраст мой приблизился к началу грани какого-то осмысления, я понимаю, что очень многое было сделано в прошлой жизни не так. Напрасно. Ошибки. Ошибки сплошь и рядом преследовали меня, и если не снились мне в кошмарах, то только лишь благодаря моему неумному воображению, когда в единый миг все перед тобой переворачивается верх дном, и ты понимаешь что попросту жил не так. Эх, нам бы старческая мудрость в молодости. Сколько бы не совершили лишнего. Сколько бы удалось сберечь. Сколько бы удалось сделать иначе, по-другому.

Сейчас я уже не знаю толком жил ли я. Кажется, что и жизнь пролетела, а ты только вздохнул раз и пролетело сорок лет. Странно. Загадочно. До нелепости обидно. Но такова судьба. Такова наша, такова моя судьба. Но скорей всего судьба наша, судьба всего человечества.

.....

Я пишу сейчас эти строки, и понимаю сколько судеб я сломал, сколько жизненных трагедий совершенно по моей вине, сколько жизней перекалечены судьбой. Да, в жизни всех виной оказался я, потому как именно я в единый момент встал на пути всех этих женщин; и после меня чаще всего жизнь всех оказалась сломана. Напрасно.

--Не такая ли судьба ждет и Эльвиру,-- размышлял я, и все больше склонялся к мысли что именно такая. Что без меня она могла бы выбрать совсем иную жизнь. Что я, с присущим мне талантом к осмыслению событий и убеждению в этом окружающих, действовал на нее подавляюще-удручающим образом. И никак невозможно было иначе, ибо не изменить судьбу.

--Так что, неужто это судьба?— спрашивал я себя.—Неужто именно такая должна быть жизнь? Такая коварная, ужасная, страшная.

Я спрашивал себя и не находил ответа. А ответ был. Я чувствовал, что он был. Но я его не видел.

Глава 12

Я конечно же понимал, что видимо серьезно запутался. Впрочем, начал понимать я это не сейчас. То, что совершаю в своей жизни большую глупость, подобное видение пришло давно. Я бы мог даже сказать давно и надолго. А как иначе я мог еще объяснить свои действия? Действия, хаотичный характер которых иной раз был настолько явен, что вовремя бы одуматься да повернуть

назад. Но вот мог ли я повернуть назад? Способен ли я был сделать это, или уже настолько погряз в собственных ошибках, что иного пути не было кроме как, страдая, идти дальше?

Я задумался. Могу признаться, что все чаще и чаще я размышлял над собственными ошибками. К сегодняшнему времени их набралось столько, что впору было бросать все и бежать сломя голову... Куда бежать? В прошлое? Так прошлого как такового не было. В каждом дне своего прошлого я жил или еще более прошлым, или таким же фигуральным и расплывчатым будущим. А это уже означало, что фактически не было ни будущего, ни прошлого.

Впрочем, прошлое все-таки было, и оно довлело надо мной так, что иной раз хотелось влезть в петлю или застрелиться.

Лучше второе, -- неожиданно подумал я. Однако так просто прекратить собственные страдания я не мог. Да и как такое возможно? — размышлял я и как всегда не находил ответа. Можно было бы сказать традиционно не находил ответа, ибо ответа на самом деле не было. С каждым днем своей жизни я сам себя загонял в еще большие пучины беспросветной тьмы и запутанности в этой жизни. Жизни, которая была дана для чего-то такого, что рано или поздно должно было перечеркнуть все совершенные ранее ошибки и приблизить меня к настоящему будущему. Или уже правильнее было говорить к настоящему, ибо что еще как не настоящее я на самом деле ждал, желал, и уже так или иначе приближал.

Ну, или то, что приближаю - в это скорее мне хотелось верить, чем было в настоящем. И тогда уже самого настоящего не было сейчас, как и не было раньше. Как и фактически не было никогда.

.....

Настоятельно и в который раз я решил разорвать все отношения с Эльвирой. Фактически с этой женщиной меня давно уже ничего не связывало. Как не связывало меня ни с одной из женщин, отношения с которыми в конце концов мне попросту надоели. Да и не жил я уже с Эльвирой. С другими девушками и женщинами тоже не жил. Но как же легко меня можно было провести сквозь пальцы. Взгляд с поволокой, туман в речах, истома в движениях, всецелое восхищение и я уже не мог удержаться, чтобы не вспылать к этой женщине любовью. И в такие моменты для меня было совершенно все равно какая она была. Для мен было безразлично наше будущее. Для меня на этот самый миг отступало прошлое. Все что так долго томило меня уходило вдаль дальнюю. Что было впереди? Впереди был туман из недосказанных слов, невысказанных мыслей, несбывшихся желаний.

То есть фактически ничего не было.

Но и иного как идти дальше, продолжая жить не оставалось.

Надо было и правда продолжать жить. А будущее покажет.

Эпилог

И все же, заниматься различными формами самоедства я был не намерен. Да, тяжело. Но тяжело всегда человеку ровно настолько, насколько он сам это готов понять. Ни больше, ни меньше. Потому что и жизнь наша вымышленная, и мы в ней играем роль каких-то странных существ, которых изучают ученые всего мира на протяжении целых веков, а изучить на самом деле не могут. И наши дети будут изучать, также как изучали наши прадеды. И наши правнуки будут изучать также, как изучали наши дети. Пока мир не остановится (а я думаю, что такого не произойдет), так и будет происходить все как пишу я. Ибо это не только жизнь, но и наблюдение за жизнью.

Хотел вот спросить у вас, в полной ли мере вы поняли, что произошло со мной в этой книге? Ведь по сути это настоящая человеческая трагедия. Да, получилась она иной раз не вся, ибо не обо всем можно рассказать просто потому, что не всегда возможно вспомнить. Но факт остается фактом. В своей стране я действительно был иностранец, и стремился поведать обо всем, и несмотря на это думаю что так и остался незнакомцем, хотя и повесть о любви приблизила каждого кто хотел к пониманию моей души.

Но что такое моя душа? Так ли уж нужна она вам? Хотя нужна. Нужна хотя бы потому, что на примере ее уже можно понять какие-то механизмы человеческой психики. Ибо психика в общем и целом едина, различаются люди по характеру, да по иным факторам, но все эти факторы не более существенны, чем если бы отсутствовали они и вовсе.

Но вот думаю я, что останется после меня, после вас, после всех нас. И понимаю, что ничего. Да, кому повезло писать, останется какое-то творческое наследие. Но насколько кто-то будет после вас это читать? Ведь, к сожалению, могу сказать, что мало кто из людей читает да особенно перечитывает произведения даже когда-то полюбившихся авторов. А ведь восприятие той или иной книги со временем проходит. Изменяется ваш взгляд на нее, потому что изменяется взгляд на какие-то вещи. Да и само положение вещей уже не кажется таким, каким вы замечали его раньше. Время проходит, мир меняется. И тогда уже, все, что поведал вам я, вы вполне можете прочитать и забыть. Я вам разрешаю. Как автор.

Послесловие

А знаете о чем я на самом деле мечтаю... Чтобы был теплый и основательный деревянный домик из сруба. Камин и все необходимое для комфортного проживания. Вокруг чтобы не было других домов, но вся цивилизация была рядом (достаточно часа езды на авто).

Вечные снега. Дубравы и непроглядный лес. В доме, например в погребе, всевозможные мясные туши, закрутки и прочее, со съестными запасами минимум на несколько лет (чтобы без необходимости быстрого пополнения). Отдельный винный погреб-бар – со всевозможными бутылками алкогольных яств (также количество безмерное, «на сто лет вперед»). Всевозможные табаки мира (сигареты, сигареллы, сигары, табак для трубки и проч.) Вечный интернет с оплатой подключения «на всю жизнь» вперед. Добрая и послушная жена рядом (которая находится в поле моей видимости, когда я захочу, например, приходит по звоночку в колокольчик).

Гарантированный миллион долларов в надежном месте (страховка на старость).

Жить, выходить только чтобы пройти вокруг дома (по лесу), людей не видеть вообще.

Мечты...

Сергей Зелинский

2010-2015 год.

© С.А.Зелинский. Закоулки души.